

Православная Газета

№2 (98)
2013 г.

для простых людей

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Свидетельство № 084 от 3 мая 2011 г.

№2 (98) 2013 г. • ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1996 г.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ АРХИЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО ЕВЛОГИЯ

**ТЕМА
НОМЕРА:**

БОЖЕСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Фото священника Игоря Пчелинцева.

Поймите славу вашу, вникните в настоящее достоинство ваше: каждый из вас – Храм, в котором Сын Божий с Отцом и Духом обитает.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

САМОЕ ВЫСОКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО – ПРАВО НА СВЯТОСТЬ

И вот ныне мы празднуем христианский женский день – день, когда в лице святых жен-мироносиц прославляется и превозносится женское сердце. Ныне мы празднуем святое право всех женщин на достижение самого высокого человеческого достоинства, неизмеримо более высокого, чем всякое достоинство политическое и гражданское, – право на святость, на самую близкую дружбу с Господом Иисусом Христом. Ибо кто из земных правителей стоит выше равноапостольных Марии Магдалины и Нины, просветительницы Грузии? Кто из них стоит выше святых мучениц и великомучениц и огромного сонма преподобных жен? Это цвет человечества, это верх достоинства человеческого.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)
Из слова в неделю жен-мироносиц

Духовное богатство немислимо без чувства собственного достоинства.

В. А. Сухомлинский

Сознание своего достоинства делает умного человека более скромным, но вместе с тем и более стойким.

Ф. Честерфилд

...По примеру некоторых учителей Церкви, отражение образа Божия можно находить даже в человеческом теле, потому что в его благороднейшем устройстве и величественном виде, обращенном горе, очень ясно выражаются и свойства души разумно-свободной и царственное достоинство человека в кругу всех земнородных.

Следовательно, можно сказать, что не в какой либо части, или силе, или способности, но во всем человеке, более или менее, отражается образ Божий.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский

Должно ли быть чувство собственного достоинства у человека, который стремится жить по-православному? И если да, то как нужно понимать его православному человеку? Где границы между достоинством и гордостью? Как различить смирение и смиреннословие? Где грань между признанием своих немощей перед Богом и самоуничижением?

Непросто найти ответы на эти вопросы применительно к своей жизни.

Тем более что часто, говоря о чувстве достоинства, его смешивают с гордыней, тщеславием и т.д. Желая не дать развиваться в детях гордыне и самолюбию, православные родители нередко делают ошибку, поселяя в чадах чувство своей никчемности, никудашности, что чревато появлением различных комплексов в подростковом возрасте, и, в конечном счете, той же самой гордыни, только тщательно скрываемой.

Тогда как воспитание достоинства в человеке – это воспитание умения трезво и критично осознать, на что ты способен, смиренного понимания, что все наши дары – от Бога, стремления к тому идеалу, который заложен в нас образом Божиим.

Не уважать себя – это значит, не уважать в себе образ Божий. Не случайно замечательный педагог В.А. Сухомлинский говорил: «Без самоуважения нет нравственной чистоты и духовного богатства личности. Уважение к самому себе, чувство чести... достоинства – это камень, на котором оттачивается тонкость чувств».

Действительно, человек, обладающий достоинством, в меньшей степени подвержен влиянию сект (в том числе и псевдоправославных), он меньше будет осуждать другого, видя в нем такое же божественное достоинство, как и в себе. У него меньше шансов стать рабом дурных привычек.

Чувство собственного достоинства – это и ответственность за себя, за свои поступки. Как раз этого качества остро не хватает тем, кто стремится укрыться от житейских бурь возле какого-нибудь младостарца, целиком переложив на него личную ответственность за свою жизнь. Именно в этом – причины живучести лжестарчества.

Гордыня и самоуничижение в одинаковой степени деструктивны.

Смирение как золотая середина между ними – это то качество, которое помогает нам использовать свой потенциал согласно Воле Божьей.

Замечательно говорила о «парадоксальном» сочетании смирения и достоинства в христианстве прекрасная переводчица и глубокий человек Наталья Трауберг. «Вот мир думает так: или смирение, но тогда нет достоинства, или достоинство, но тогда нет места смирению. А часто бывает, что нет ни того, ни другого, только одна пус-

тая амбициозность... Вот представьте себе, можно так соединить все цвета, что получится белый цвет – это то смирение, которое не противоречит достоинству. А можно просто смешать все акварельные краски и выйдет грязь. Это соединение другого рода. И вот человек чаще всего находится именно здесь, где нет ни смирения, ни достоинства, и, приходя в Церковь, он перемещается, как правило, либо в сторону достоинства при отсутствии смирения, либо в сторону смирения, при отсутствии достоинства, причем в первую чаще, потому что мирская добродетель тяготеет к ценностям стоического типа. Полагают, что смирение – это какая-то пришибленность. Это не пришибленность, оно иной природы, не от мира сего».

Наш сегодняшний номер газеты как посвящен достоинству, которое не противоречит смирению...

✱ ИЗ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ

А. И. Осипов, профессор МДА

КАК ОТЛИЧИТЬ ГОРДОСТЬ ОТ ЧУВСТВА ДОСТОИНСТВА?

«Я ВАМ ПОКАЖУ, КАКОЙ Я СМЕРЕННЫЙ!...»

– Как Святые Отцы отличали гордость от чувства достоинства и смирение от унижения? Как этому научиться и по каким критериям их отличать?

– Святые Отцы сказали, что истинное смирение не видит себя смиренным. Если я вижу себя «смиренным» – значит, все ясно. «Я – смиренный! Всё! Не вздумайте меня задеть – я вам покажу тогда, какой я смиренный». Что из этого следует? Мы не видим в себе гордости. Видим разные страсти, гордости же почти не видим. А Святые Отцы видели в себе гордость. Макарий Великий даже говорил: в самой природе человека что-то гордое. Он подчёркивал: я не видел ни одного человека, который до конца смог бы истребить в себе вот это гордое начало. Представляете, какие вещи писал Макарий Великий! Видя в себе гордость, Святые Отцы вели себя соответствующим образом, как люди, понимающие, что в них есть.

Если же говорить о достоинстве, о котором они практически ничего не говорили, то пример этого достоинства показан нам. Христос сказал: если ударят тебя по одной щеке, подставь другую. И когда Его арестовали, то Он так и сделал, да? Нет, не сделал. Помните, написано в Евангелии, как Его ударили по щеке? Как отреагировал Христос? Он сказал: «Если Я сделал что-то худое, скажи, что Я сделал худое. А если доброе, за что бьешь меня?» Правда, интересно?

ДУХОВНАЯ СИЛА ВЕЛИКОДУШИЯ

Обращаю ваше внимание, что нельзя буквально понимать слова Христа: мол, когда ударили по щеке, давай, подставляй другую. Речь-то идет не об этом совсем. А о том, что кто-то должен иметь хоть немножко больше духовной силы, чтобы проявить великодушие и прекратить ссору. Если начнете пререкаться – всё пропало. Из искры разгорается пламя гнева, ссоры, ненависти. Великодушные кто-то должны проявить, и сказать: «Так. Ну, прости. Да, действительно, я, я не прав». И всё. И прекратить ссору. Кто-то должен проявить это великодушие...

Христос нам показал, как проявляется человеческое достоинство. Обратите внимание – оно проявляется там, где нет ни йоты гордости. Наше достоинство знаете, какое? Нос кверху – и прилип к потолку! Это такое человеческое «достоинство». То есть не достоинство, а гордыня. Мы всё перепутали. Мы совершенно не можем отличить гордыню от достоинства. А пример Христа показывает нам, что в истинном достоинстве нет никакой гордости, никакого презрения, никакой неприязни к тем, кто над ним издевался. С Креста Он сказал: «Отче, прости им, не знают, что делают». Вы слышите? Никакой ненависти нет к мучителям. Это действительно было не только божественное, но и человеческое достоинство. Чего оно требует? Правильного отношения человека к человеку. «Если я сказал плохо, что сделал плохое, скажи. Если хорошо – за что бьешь меня?» Понимаете, в чем дело?

И Святые Отцы обращались к этому примеру. Но сами они о своем достоинстве никогда не писали, прекрасно понимая, что у нас все это достоинство обязательно выливается в гордыню, к сожалению. К великому сожалению.

В целом же достоинство – здоровое явление, не греховное. Есть, например, женское достоинство. Я уверен, что иногда женщина может дать пощечину – известно, за какие поступки и кому. И это будет не грехом, а актом человеческого достоинства.

КАК НАУЧИТЬСЯ ДОСТОИНСТВУ?

А как нам научиться такому достоинству? Ох, как научиться?! Научиться можно, только познавая себя. Что значит, познавая себя? Сравнивая, постоянно наблюдая, внимательно относясь к своей жизни. Сравнивая её с тем, насколько моя жизнь соответствует Евангелию, Заповедям. Я сразу же увижу, что постоянно нарушаю Заповеди. Если не делом, так языком. Не языком, так мыслью. Не мыслью, так чувством. Постоянно нарушаю. Это первое. Второе, в чем я убеждаюсь, начав внимательно относиться к своей жизни. Оказывается, даже решившись не нарушать Заповеди, я не могу справиться с собой. Я очень хорошую проповедь могу говорить о воздержании после сытного стола. Но когда я голоден – я забываю обо всем на свете. Предпочитаю не помнить ничего, чтобы уже **потом** сказать красивое слово о воздержании... И так во всем. Касается ли тщеславия или чего иного. И в чем я убеждаюсь? Что я не только живу не так, но, к сожалению, не имею даже сил жить правильно. Вот откуда-то, если человек действительно хочет жить правильно, и рождается у человека искренняя молитва к Богу. Вот здесь уже мы можем, действительно, Иисусову молитву произносить правильно. «Господи, помоги мне, и помилуй, грешного». Здесь – начало смирения. Я наконец-то увидел себя. А я-то думал, что я хорош и здоров, а оказалось, я – кто? Никто. Люди, когда на меня смотрят, думают, что я хорош. На самом же деле ни с одной страстишкой своей справиться не могу. Вот вам и «человек – это звучит гордо»!

Отсюда-то рождается смирение. А смирение дает мне возможность правильного отношения не только к людям другим, но и к самому себе, к своим поступкам и к своему поведению. Вот из этого чувства смирения рождается первоначальная любовь к другим людям, сочувствие. Они также не могут с собой справиться, я начинаю понимать – мы все в больнице находимся. Мы должны сочувствовать друг другу. Т.е. появляются начатки любви. Вот здесь из этого чувства смирения и любви и может только проистекать правильное чувство человеческого достоинства. Вот каков путь. Если кто желает научиться ему, было бы очень хорошо.

Заголовок, подзаголовки и редактирование аудиозаписи «Православной газеты для простых людей».

БЕЗБОЖНОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОСТОИНСТВЕ

«Чувство собственного достоинства»... Огромный камень преткновения, с которым сталкиваются (иногда расшибаясь) люди, приходящие в Церковь. Светская культура, на которой мы воспитаны, всегда превозносила это чувство. «Мы не рабы, рабы – не мы», «лучше умереть стоя, чем жить на коленях», или, если надо интеллигентнее, то окуджавское: «Совесть, Благородство и Достоинство – вот оно, святое наше воинство». Человек без чувства собственного достоинства – это, как мы знаем, ничтожество, холуй, подлец, от которого всего можно ждать.

И вот мы вдохновляемся Евангелием, перед нами раскрывается Небо, мы приходим в Церковь... и начинается... Тебе сразу объяснят, что ты более не Иван Петрович, а раб Божий Иоанн (причем слово «раб» ты по умолчанию будешь понимать в традиционном, историческом смысле), ты ощутишь на себе всю мощь слов «послушание» и «смирение», ты и из книг, и от добрых людей узнаешь, что никакого своего достоинства в тебе нет и не было, а есть одни лишь грехи, из коих наиглавнейший – гордыня. Ничего ты из себя не представляешь, существуешь на этом свете только по милости Божией, а малейшее твое несогласие быть «тварью дрожащей» воспринимается как тщеславие, гордыня, а то и прямое богоборчество.

Я сейчас описываю крайний случай – обычно все бывает помягче, культурнее. Тем не менее, тенденция именно такова – неопиту обязательно внушают, что его представление о чувстве собственного достоинства в корне неверно, что оно выросло на почве безбожия и обильно полито гордыней.

Да, в этом есть правда. Действительно, в безбожном мире именно человек – мерило всех вещей, а когда уверуешь и поймешь, что мерилом все же является Бог – тогда приходится подвинуться, и прищемленная гордыня, конечно же, начинает пищать. Это ведь непросто признать: я такой умный и красивый не сам по себе, а потому что Бог дал мне Свои дары. Нет, хочется, чтобы Бог тут был не при чем, а всему хорошему во мне я был обязан себе самому... и все остальные тоже должны мне быть за это обязаны, все должны меня ценить: какой молодец, какой прекрасный made you self! Звучит, конечно, смешно, хотя до понимания, почему это смешно, надо еще дорасти.

ПЛОД СОТРУДНИЧЕСТВА С БОГОМ

Но это – не вся правда. Потому что в любом человеке есть не только грех, не только низости и гадости. Когда мы читаем в покаянном каноне «якоже бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу», надо понимать, что это поэтический образ, а не констатация медицинского факта, не буквальноное уподобление человека свинье. Помимо греха, помимо «семена тли», есть в человеке и образ Божий. Есть неотъемлемые Божии дары – свобода воли, разум, способность к творчеству, нравственное чутье. Да, после грехопадения прародителей че-

ловеческая природа испорчена и все эти дары запачканы, повреждены – но не сведены же к нулю! Человека тянет ко злу (тут очень удачно церковнославянское слово «удобопреклонен»), но он способен все же противостоять этой тяге, способен развивать полученные от Бога дары. И да, действительно, человек в значительной мере сам себя делает, сам себя поднимает или опускает. Бог – чаще всего незаметно – помогает ему подняться и препятствует опуститься. Но если бы человек ничего не делал сам, не совершал бы усилий, не реализовывал бы свою свободу – то он был бы не человеком, а животным.

Поэтому речь должна идти не о том, чтобы лишить человека чувства собственного

МОЖНО ЛИ УВАЖАТЬ НИЧТОЖЕСТВО?

И другой поворот этой темы: если мы не признаём в себе человеческое достоинство – это значит, мы не признаём его и в других. Если мы считаем себя ничтожествами – то кем считать остальных? Это вполне понятно: ведь между нами, людьми, нет каких-то качественных, онтологических различий. Глупо думать, что вот только у меня достоинства нет и я один – грешная тварь, а все вокруг меня – иные. Праведные, великие... Нет уж, тут сразу срабатывает логика «все одним миром мазаны».

Вот и получается, что если мы к себе относимся как к упоминавшейся уже «свинье», то

Я – НЕ СВИНЬЯ, СВИНЬЯ – НЕ Я

достоинства – а о том, чтобы вместо безбожного представления о собственном достоинстве у него было бы христианское представление. То есть мое достоинство – оно не только мое, все мои достижения – это плод моего сотрудничества с Богом. Без Бога я никогда бы не добился этого, но и без своего труда я бы тоже этого не добился. Впрочем, не стоит гордиться собою – потому что если трезво взглянуть на себя, непременно увидишь: мог бы сделать еще больше, если бы не ленился, если бы не боялся, если бы не тупил...

ЛОГИКА РАБА

Более того, считать себя только «свиньей в калу» и более ничем – это своего рода метафизическая истерика, это желание снять с себя ответственность. Бить себя кулаками в грудь и посыпать голову пеплом – гораздо проще, чем развивать дары, полученные от Бога. Это логика раба из притчи, зарывшего свой талант. Или как в школе, когда ученик вопит: «Я тупой, я ничего не понимаю, ставьте мне двойки, выгоняйте меня на фиг, пойду вагоны разгружать, раз уж мозгов нет». Тут не мозгов нет, а мотивации. Закатывать истерики куда легче, нежели спокойно и последовательно наверстывать пропущенный материал.

Бог не призывает нас считать себя тварями дрожащими, равно как и «право имеющими». Если мы считаем, что никакого достоинства у нас, жалких червей, нет и быть не может – так ведь Он рано или поздно спросит: «Лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью» (Мф. 25:26-27). Иначе говоря, а почему это у тебя нет достоинства? Куда оно делось? Почему ты не постарался его получить? Почему не развивал полученные дары? Твое достоинство – оно ведь не только твое, но и Мое... И отвечать будет страшно, потому что – всё правда.

и в остальных мы вправе видеть свиней. За чем их, ближних и дальних, уважать, зачем выручать их из беды, зачем считаться с их чувствами, если они – такие же свиньи? Тогда и заповеданные Господом милосердие и любовь должны заключаться лишь в том, чтобы разъяснять людям, какие же они свиньи. Собирает, например, человек деньги на лечение тяжело больного ребёнка – и получает вместо денег назидание о том, какой он мерзкий грешник потому-то и потому-то. Приходит, например, человек впервые в храм, ждет помощи, участия – а сталкивается с поучениями: не так стоишь, не так одет, ну-ка, быстро смиришься до зела... Приходит восьмидесятилетняя старуха на костылях на исповедь, а молодой батюшка, только-только из семинарии, на нее орет: «Пила, говоришь, молоко в пост? А ну вон отсюда, грешница!» Последний пример, кстати, – не полемическое заострение. Всё так и было. Ну а как же! Надо же смирать грешников! Ишь, возманило о себе!

...В общем, вся закавыка с этим «чувством собственного достоинства» – только в понимании слова «собственное». Если собственное – означает исключительно мое, без малейшего участия Бога – тогда нам с таким достоинством действительно не по пути. Если же «собственное достоинство» – это плоды духа, если это – результат сотрудничества с Богом, то такое достоинство нужно всячески уважать. И в себе, и, главное, в других.

Виталий Каплан

Журнал «Фома»

(Подзаголовки «Православной газеты»)

НАПОЛНИТЬСЯ БОЖЕСТВЕННЫМ СВЕТОМ

Своим Преображением благий Господь преобразил Божий образ в человеке, и тот заблестал своим первообразным, Божественным сиянием и лепотой. Ибо смысл и цель Преображения Богочеловека – вернуть человека и всё человеческое к образу Божию как к [изначальной] сущности человеческого естества, удалить греховный осадок с Богообразной души человека, восстановить Богообразие человеческого естества в его поразительной безгрешной красоте и всю жизнь человека подчинить Богообразной сущности и силе как Богоданному началу, которым надежнее всего уготовляет-

ся вечность. Обновленный Преображением Спасителя Божий образ в человеке воссиял, как солнце, а тело стало подобным свету. В своей исконной сущности Богообразная человеческая душа представляет собой далекий отблеск Божественного света, – света, который в полную силу заблестал на Фаворе через пресвятую плоть Богочеловека Христа. Своим Преображением Господь показал, что смысл, и достоинство, и нетленная, Божественная красота плоти, вещества, материи заключается в том, чтобы наполниться Божественным светом, излучать его и жить им, ведь свет – это синоним жизни и бессмертия (см.: Ин. 1, 4), подобно тому как тьма – синоним смерти и разрушения.

Прп. Иустин (Попович)
Из работы «Тайна Преображения Спасителя и тайна спасения»

«БУДЕМ ИМЕТЬ ДУХОВНОЕ БЛАГОРОДСТВО...»

– Геронда, на что нам обратить особое внимание в Великий пост?

– На благородство, на духовное благородство.

– Разве Великий пост – это не время преимущественно покаяния?

– Благородство, благородство, чтобы соединиться со Христом, – без этого преуспевание невозможно. Если бы мы знали, что даёт благородство, мы бы гонялись за ним день и ночь, забыли бы и про сон. Если человек внимательно рассмотрит духовное благородство, то найдёт сокрытое в нём величие Божие!

– Что именно есть благородство?

– Благородство духовное – это духовное превосходство, жертвенность. Благородная душа требует только с себя, но не с других. Жертвует собой ради других, не ища воздаяния. Забывает о том, что даёт, но помнит любую мелочь, которую получает. Обладает любочестием, смирением, простотой, бескорыстием, честностью... всем обладает. Обладает и величайшей радостью и духовным взыгранием, ликованием.

Духовное благородство несёт Благодать Божию, оно есть, как бы это сказать, свойство Божественное. Где есть благородство, там тишина, незаметность, поэтому там упокоивается Христос и живёт благословение Христово.

Павсий Святогорец

Самостоятельно поставленный диагноз «низкая самооценка» приходится слышать практически от каждого, кто обращается за психологической помощью. Печальная история из детства, сложные взаимоотношения с родителями – и человек словно подводит черту: «У меня низкая самооценка!» Собеседник рассчитывает, что из этих слов должно быть всё ясно: карты раскрыты. Но вот однажды в такой беседе у меня возник вопрос: что же, собственно, имеется в виду под формулировкой «низкая самооценка»? Кажется, тогда мой вопрос изрядно задел клиента. «Как это? Вы, психолог, не знаете, что это такое? Ведь это же ваши профессиональные словечки...»

В этой статье речь пойдёт не о классическом термине «самооценка» из учебников по психологии личности; не о способах её определения или коррекции. Попытаемся разобраться, что мы скрываем под этим выражением, используя его по своему усмотрению. Одни под низкой самооценкой понимают неуверенность в себе, другие – свою обидчивость. Кто-то вспоминает потрясения, пережитые в детстве, кто-то оправдывает свою «невезучесть». Вариантов сотни – а «диагноз» один. Что же на самом деле такое «низкая самооценка»?

КЛАССИКА ЖАНРА

К этой теме нелегко было подступиться. Как привести примеры, не нарушая конфиденциальности, обещанной клиентам? Как не втянуть в свои рассуждения близких и родных, или, увлечшись, не написать лишнего о себе самой?

«Я ХУЖЕ ВСЕХ!..» К ПРОБЛЕМЕ НИЗКОЙ САМООЦЕНКИ

Образ нашёлся не сразу, но он кажется мне довольно удачным и ярким. Предлагаю вместе с Фёдором Михайловичем Достоевским присмотреться к героине романа «Идиот», к Настасье Филипповне. В романе, прежде чем появится она сама, о ней уже будет много сказано: описанием страсти Рогожина к ней начинается роман. Затем читатель увидит портрет Настасьи Филипповны в доме генерала Епанчина, и только спустя ещё главу – её саму. Так не спеша, не сразу, она познакомится лично с читателем, зайдя уверенным шагом в дом Иволгиных, где станет вести себя довольно нахально.

Возможно, писатель неспроста вводит в роман Настасью Филипповну именно так: о ней говорят в её отсутствие, ею любят, но сама она словно боится быть в главной роли. Судьба её непростая; живи она сейчас, было бы с чем обратиться к психологу. Всего одна страница понадобилась Достоевскому, чтобы рассказать нам историю её жизни.

Некий господин Тоцкий, Афанасий Иванович, взял когда-то на воспитание двух девочек-сироток; одна из них через некоторое время умерла от коклюша. «Тоцкий же вскоре совсем и забыл о них обеих, проживая за границей. Лет пять спустя, однажды, Афанасий Иванович, проездом, вздумал заглянуть в своё поместье и вдруг заметил в деревенском своём доме, в семействе своего немца, прелестного ребёнка, девочку лет двенадцати, резвую, милую, умненькую и обещавшую необыкновенную красоту; в этом отношении Афанасий Иванович был знаток безошибочный».

Дальше Достоевский отмечает, что воспитание маленькой Настасьи вдруг «приняло чрезвычайные размеры», а через четыре года за ней приехала барыня из далёкой губернии и, «вследствие инструкции и полномочия от Афанасия Ивановича», увезла девочку с собой в другое его имение. Вскоре туда пожаловал и он сам. «С тех пор он как-то особенно полюбил эту глухую, степную свою деревеньку, заезжал каждое лето, гостил по два, даже по три месяца, и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно».

И вот однажды до Настасьи Филипповны донёлся слух, что Афанасий Иванович в Петербурге готовится к свадьбе – женится «на красавице, на богатой, на знатной». В судьбе Настасьи Филипповны произошёл решительный переворот: внезапно она «обнаружила самый неожиданный характер. Долго не думая, она бросила свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому».

«Благодетелю» стало ясно, что к нему пришла совершенно другая женщина. «Тут хотело пред ним и колото его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своём сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты... Эта новая женщина объявляла, что ей в полном смысле всё равно будет, если он сейчас же и на ком угодно женится, но что она приехала не позволить ему этот брак... – "ну хоть для того, чтобы мне только посмеяться над тобой вволю, потому что теперь и я наконец смеяться хочу"».

Тоцкий быстро понял, что «имеет теперь дело с существом совершенно из ряда вон, что это именно такое существо, которое не только грозит, но и непременно сделает, и, главное, ни пред чем решительно не остановится, тем более что решительно ничем в свете не дорожит».

Дальнейшая судьба Настасьи Филипповны вызывает жалость читателя. Она будто сама понять не может, что для неё важнее: оставаться в привычной роли жертвы совратителя – или всё же вырваться из порочного круга, став сильнее удобного «рока», пойти дальше пережитых страданий и по-прежнему достоинства. Жизнь посылает героине и возможности, и нужных людей для того, чтобы быть счастливой – казалось бы, что тут думать-то? Но не так всё просто, как кажется.

«ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ»

Примечательно: то, что люди привыкли звать низкой самооценкой, психологи называют ролью жертвы. Отчего это? Разве сами психологи не верят в существование проблемы низкой самооценки?

Типичная ситуация: человек с «низкой самооценкой» пришёл на приём, достаточно пожало-

вался на родных и близких, политику и экономику, значительно превысил отведённое для консультации время, а в момент оплаты вспомнил, что денег на консультацию у него нет. После окажется, что психологов он меняет, как перчатки, и все они ему не подходят: то ли его не понимают, то ли не при-

нимают, то ли денег просят, когда он уже год без работы. Окажется, что по всем фронтам он терпит лишения и тяготы, и не видно никакого просвета. Но если, набравшись мужества, такой человек всё же решится на работу с психологом, тут вдруг обнаружится, что он совершенно не готов менять себя – желательно, чтобы менялось всё вокруг и исключительно по его хотению.

Роль жертвы даёт несомненные козыри. Человеку хочется, чтобы его пожалели, – это избавит его от признания собственной вины, от ошибок, которые необходимо исправлять, от поступков, за которые нужно брать на себя ответственность. Выгоднее и проще быть «несчастливым». С жертвой все носится, ей многое прощают. Когда говорят о людях с «низкой самооценкой», нередко звучат слова «вампир», «агрессор». Согласитесь, жить рядом с человеком, с которым неизменно чувствуешь себя виноватым во всём, сложно. «Жертва» всегда найдёт, за что её нужно жалеть; но, жалея такого человека, вы испытываете вину перед ним, сами не понимая за что.

Так было и с Настасьей Филипповной: пережившая горе и страдания, в романе она кажется человеком, которому все вокруг должны за них заплатить, она же оставляет за собой право «казнить и миловать». Существует опасный механизм: заставляя человека испытывать чувство вины, «жертва» готова в его вину искренне верить.

Человек жалуется на одиночество и отсутствие друзей (из-за низкой самооценки!). Скорее всего, речь идёт о тех, кто не выдержал давления и прекратил общение с «несчастливым», дабы не стать его жертвой – и одновременно виновником всех бед.

В той или иной степени многим эта ситуация покажется знакомой. Но не следует спешить искать «жертв» в своём окружении, гораздо полезнее присмотреться к себе. Уловки, чтобы избежать ответственности и спрятаться за ролью жертвы, огромное количество. И отследить их бывает совсем непросто – мы порой искренне верим в то, что «обстоятельства так сложились», «такова реальность», «таковы люди». На худой конец, «это искушения»...

ВСЁ ДЕЛО В ДЕТСТВЕ?

Если переложить историю Настасьи Филипповны на современный лад, выйдет типичная ситуация из жизни: часто люди, вспоминая обиды и трагедии детства, оправдывают свои неудачи в жизни теперешней. Возможно, поэтому и стал популярен Фрейд со своим принципом детерминизма (предопределённости). Акцентируя внимание на детских травмах, комплексах, фрустрациях и страхах, можно объяснить и в какой-то мере оправдать свои слабости и неудачи. Достоевский послал Настасью Филипповну как минимум двух «терапевтов». Один из них позже станет её убийцей, а второй так и не станет ей мужем. Именно этот второй, с парадоксальным именем Лев Мышкин, будет жа-

леть её, верить в неё и в её способность стать готовой к счастью. Несмотря на собственные страдания (в том числе детские) и болезнь, он будет думать, прежде всего, о других, забывая себя и свои «комплексы». Но вера князя Мышкина оказалась напрасной и фатальной. У героини не хватило мужества отказаться от своего сладкого самоуничтожения.

Насколько же детство влияет на судьбу и характер человека?

Психологи могут дать несколько простых советов, как вырастить «жертву», то есть ребёнка с «низкой самооценкой». Для этого достаточно предъявлять ему требования, не совместимые с его возможностями, и не считаться с его мнением. При каждом удобном случае рассказывать о лишениях и страданиях ради него (бессонные ночи, увольнение с работы, отсутствие отдыха и прочие трудности, связанные с воспитанием любого ребёнка). Почаще напоминать чаду цену своей заботы и сделать его своим вечным должником. Стоит отметить, что подобные вещи могут происходить и между взрослыми людьми. В таких случаях говорят о том, что *именно с этим человеком моя самооценка упала и ушла вера в свои силы*.

Скорее всего, каждый читающий эти строки может найти в арсенале детских воспоминаний как радостные и приятные моменты, так и обиды, связанные с непониманием родителей, со ссорами и конфликтами. Припомнятся и случаи, когда был недооценен близкими или наказан незаслуженно. Только одни переживают эти моменты здраво, выстраивая в дальнейшем зрелые отношения с родителями, а другие будут до глубоких седин вспоминать былые и оправдывать все свои беды недолюбленностью. Слишком дорог «козырь», который позволяет на долгие годы освободить себя от важных решений и ответственных поступков. Как правило, в таком случае избавляться от «низкой самооценки» невыгодно, у человека появляются всё новые и новые предлоги доказывать себе и окружающим невозможность жить счастливо – благо, причины найдутся всегда.

Чувство несправедливости жизни испытывает каждый ребёнок, подросток, взрослый, и рождается оно исключительно из нашей греховной природы, которая заражена гордостью и самонимением. И если ребёнку этого ещё не понять и встречи с несправедливостью становятся горьким, но необходимым опытом, то взрослому человеку нужно принимать тот факт, что исключительно от него зависит, каким образом относиться к тому, что происходит в его жизни.

По мере чтения романа сам собою назревает упрёк в адрес Настасьи Филипповны: что мешает тебе быть счастливой? Ответ звучит из уст её соперницы, генеральской дочери Аглаи Ивановны: «Вы не могли его полюбить, измучили его и кинули. Вы потому его не могли любить, что слишком горды... нет, не горды, я ошиблась, а потому что вы тщеславны... даже и не это: вы себялюбивы до... сумасшествия... Могли полюбить только один свой позор и беспрерывную мысль о том, что вы опозорены, и что вас оскорбили. Будь у вас меньше позору, или не будь его вовсе, вы были бы несчастнее...»

ЗАВЫШЕННАЯ НИЗКАЯ САМООЦЕНКА

Парадокс, но именно люди, страдающие «низкой самооценкой», требуют повышенного внимания к своей персоне. Им присуща особая мнительность: если смеются – значит, надо мной, если говорят тихо – значит, обо мне. Им необходимо постоянное «прокручивание» каждой ситуации (всё было сделано так, чтобы именно мне причинить боль!). Такие проявления «низкой самооценки» совершенно ясно показывают, насколько человек сам у себя находится в центре внимания. Именно с таким человеком носятся окружающие, боясь лишний раз обидеть, сказать не то слово. Именно в разговоре с ним боится наступить на больной мозоль, зацепить болезную тему, затронуть за живое. При этом и мозоль, и болезная тема, и живое – у него повсеместно, и счёт с количеством обид будет непременно предъявлен.

В действительности люди с «низкой самооценкой» весьма высокого мнения о себе. Психология и православная догматика сходятся в единой точке: самоуничижение является оборотной стороной гордыни. Это знал и Достоевский, описавший характер Настасьи Филипповны. Она могла сколько угодно говорить дурно о себе, но стоило ей в сцене объяснения с Аглаей услышать правду в глаза, как она тут же устроила «решающую сцену», в ходе которой растоптала соперницу, показав, кто в доме хозяин. Так в патериках нередко разоблачается лжесмирение: **ведь истинное смирение не в том, чтобы говорить плохо о себе, а в том, чтобы, услышав нелицеприятную правду, смириться и ещё остаться благодарным**.

САМОУНИЧИЖЕНИЕ – ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ГОРДЫНИ

Роман Достоевского стучится в наши души: слишком много стало жертв рядом с женщиной, которая считала, что не стоит приличного человека и не заслуживает счастья. Не обольщаться бы и нам – якобы считая себя «ничего не стоящим человеком», а в действительности думая, что «я-то стою гораздо больше других». Не скрывать бы за фразой «я этого не достоин» – уверенность в том, что я достоин большего.

Анна Лелик
Отрок.иа
9 января 2013

Протоиерей Михаил Дронов

ВОЗМОЖНО ЛИ СОВСЕМ ИЗБЕЖАТЬ ЛЖИ?

Авва Дорофей называл «ложью словом» всякое сознательное искажение действительности, которое делается с целью, подчас как будто даже благовидной. «Ложь словом» он противопоставлял «лжи мыслью» – непреднамеренному самообману, когда человек принимает желаемое за действительное, и «лжи жизнью» – циничному пороку, прикрывающемуся добродетелью.

Ложь разрушает личностное общение людей и их разъединяет. Понятно ли нам сегодня, о чем говорит авва Дорофей, хотя мысль его кажется для нас совсем не новой? Он говорит, что человеку, привыкшему хитрить и изворачиваться, *«никогда не верят, но хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры, и самая правда его оказывается невероятной»*. За этой мыслью, в общем-то крепко внушенной нам еще с детства, встает глубинное святоотеческое понимание природы и действия лжи.

Правда, это – не просто информация, соответствующая действительности. Это – особое состояние взаимной открытости людей. И, наоборот, ложь может заключаться в формально правдивых словах, но исходящих из лукавого сердца, в котором потаенной от всех осталась длинная цепь корыстных ожиданий и расчетов на эту «правду». Именно в этом одно из объяснений, почему Христос запрещал нечистым духам открывать, что Он Сын Божий (Мк. 3, 11-12). Правда из уст демонов переставала ею быть.

Правда, высказанная лживым человеком, ничуть не прибавляет душевной близости людям, следовательно, не выполняет своего предназначения. А мы сегодня этого уже почти не чувствуем – нашей привычной средой стало отчуждение и эгоистическое одиночество, и ложь нам уже не кажется нравственной пыткой, лишавшей подлинных переживаний встречи с другой личностью. В отличие от нынешнего мироощущения отцы христианской традиции видели во лжи прежде всего разрыв связей с другими людьми и с Богом, потерю того, что наполняет человеческую душу жизнью и без чего она обречена на холод опустошенности.

Нельзя терять из виду всю глубину понимания Святыми Отцами природы лжи, когда мы обращаемся к ним за ответами на наши вопросы. Авва Дорофей, например, при всем однозначно осуждающем отношении к лжи, остается предельно реалистично мыслящим человеком. Он признает, что в реальности нашего падшего мира бывают ситуации, когда искажение действительности становится единственно правильным выходом из положения. Именно так надо понимать его выражение «изменить слово».

«Иногда случается такое дело, – объясняет он ситуацию, – что бывает крайность скрыть мало, и если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность и увидит кто-либо себя в такой нужде, то может посему изменить слово для того, чтобы не вышло, как я сказал, большего смущения и скорби, или обиды».

Итак, является ли ложью «изменение слова», о котором говорит авва Дорофей? Согласно его же утверждению всякий грех и ложь *«происходит или от слатолубия, или от сребролюбия, или от славолубия»*. А здесь мотив совсем другой – избежать *«большого смущения и скорби»*, большего по сравнению со смущением, какое вносит *«крайность скрыть мало»*. Например, в супружеских отношениях, которые принципиально не переносят закрытой формы общения, все же может возникнуть необходимость в эпизодической закрытости, допущенной с целью пощадить уязвимость близкого человека или какую-то другую его немощь.

Но тем не менее, предупреждает авва Дорофей, это «изменение слова» или «сокрытие мало» все равно остается самой настоящей ложью! Поэтому старец стремится предотвратить слишком частое обращение его учеников к крайности, чтобы «изменить слово». Какой бы ни был мотив закрытой формы общения – жалость или эгоизм – по этой причине одинаково неизбежно вырастает препятствие подлинному межличностному контакту. Человек, решившийся на эту крайнюю меру, неизбежно несет потери. Из двух (а может быть, и более) зол ему приходится выбирать наименьшее. Но зло от этого не становится добром, оно остается злом.

Поэтому авва Дорофей тех, кто все же решился на вынужденную неискренность, призывает к покаянному настроению: *«Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения. Кто хочет по необходимости изменить слово, то он должен делать это не часто, но разве в исключительном случае, однажды во много лет, когда видит, как я сказал, великую необходимость, и это самое, допускаемое весьма редко, пусть делает со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое, и необходимость, и тогда он будет прощен, но вред он все-таки получает»*. Интересен здесь своеобразный душепопечительский прагматизм старца, когда он даже называет допустимый период намеренного искажения истины. Видимо, эти «много лет» характеризуют реальность духовной атмосферы той монашеской жизни.

Если же теперь мы перенесемся из VII века в наше время, то перед глазами встает образ манипулятора, которого идеализирует Карнеги. Как резко он контрастирует с христианином, решившимся на неискренность во избежание большего зла!

Из книги «Талант общения: Дейл Карнеги или авва Дорофей»

О «ПЕРЕЧНЯХ ГРЕХОВ» И «БУХГАЛТЕРИИ»

– **Исповедь и покаяние – в чем разница?**

– На деле Таинство исповеди должно завершать процесс покаяния. Именно процесс. Покаяние ведь не эпизод, это состояние, в котором православный христианин находится постоянно...

Если нет никакого внутреннего осмысления, то исповедь становится пустословием. Можно прийти и «выжать» из себя грехи, но это уже будет жалоба Богу на то, что мы все еще не настолько святые, как хотелось бы. К исповеди это имеет очень мало отношения. Это же не процедура дознания и не осведомление о том, как у нас все плачевно. Понятно, что 90 % тех или иных грехов все равно в том или ином виде у человека будет. И то, что он в них «под допросом» признается, вовсе не значит, что, отойдя от аналога с крестом и Евангелием, он через две минуты опять то же самое не совершит.

– **Как в таком случае относиться к обычаю перечислять грехи на бумажке, изучать перечни грехов в книжках?**

– По моему мнению, книжки с перечнем всевозможных грехов – необычайно вредоносное явление в нашей Церкви, которое свидетельствует только об одном: о потрясающе формальном подходе к покаянию. Я бы даже сказал, это самый начальный уровень религиозного сознания, когда человек воспринимает себя в лучшем случае как раба, а Бога как господина, который постоянно чего-то от него требует и вечно чем-то недоволен: если не выполняешь, то должен принести Ему в этом признание. Однако такая модель спасения – далеко не единственная, да и не самая вдохновляющая. Если смотреть на исповедь как на некий формальный анализ нашего состояния, то получается, каждый из нас может смело перечислить 1600 грехов и считать себя после этого исполнившими все, чего от нас хочет Бог.

Но на самом деле – ничего подобного! Бог от нас ждет совершенно другого. И даже когда Церковь говорит о Страшном суде, она не подразумевает какого-то юридического акта подсчета добрых и злых поступков. Бог судит нас по нашему состоянию – состоянию любви или не-любви, и все напряжение жизни происходит между этими двумя полюсами. Если мы любим, любим до конца, то мы уже не можем грешить.

Апостол Павел предельно точно сформулировал: всё, что не по любви, – грех. Однако христианская любовь – это совсем не то состояние, которое прекрасно выражается словом «добрен-

ный». Христианская любовь рождается не из чувства, а имеет своим источником Любовь Божию, отражает её в себе самой. Поэтому задача настоящего покаяния – устранить все те препятствия в нашей душе, которые мешают Богу в нас светиться. А устраняются они только нашими руками и не могут быть внешне «сняты».

✽ УРОКИ ПОКАЯНИЯ

Протоиерей Павел Великанов

ЧУВСТВО НИКЧЕМНОСТИ ИЛИ ЖАЖДА БОГА?

Кроме того, скрупулезное перечисление своих грехов подкладывает в душу человека мину замедленного действия: исповедовавшись таким образом, в глубине души он уже чувствует, что он *«несть якоже прочие человецы»*. Это уводит в сторону от самой сути покаяния.

СТАТЬ ДОСТОЙНЫМ СВОЕГО ПРИЗВАНИЯ

– **А в чем суть?**

– Суть покаяния – в обретении Бога. Человек должен через зеркало Евангелия увидеть свое непотребство и обрести предельную по напряженности жажду по Богу, должен начать нуждаться в Нем. Такое состояние – основной признак зрелого покаяния. Когда человек просто понимает, что он дряннь-дрянь, – это не более чем просто признание своих ошибок. Другое дело, когда при этом он осознает, что ему нужен Христос, Спаситель, чтобы стать достойным своего призвания...

Поэтому покаяние христианина – это не саможаление оттого, что, мол, я такой никчемный, никудышный, а созидательная тоска по Богу, алчба и жажда по обретению Его. Как писал преподобный Силуан Афонский: *«Скушает душу моя по Тебе, Боже, и слезно ищущ Тебя»*. Скушение по Богу является основным правильным мотивом движения христианина по пути очищения. Человек чувствует, что в нем что-то новое зарождается. И стремится ко Христу. Это стремление, может быть, не настолько пламенное, как у преподобного Силуана, который готов был всю свою жизнь бросить в жертву Богу. Но какую-то, хоть малую часть жизни мы должны быть готовы отдать. Вот так постепенно, отдавая себя по небольшой части, смотришь – уже становишься совершенно другим.

ТВАРЬ Я ДРОЖАЩАЯ ИЛИ?..

– **«Дряннь-дрянь», «грешнее всех»... А что, если человек не ощущает себя так? Призыв покаяться может вызвать тогда только раздражение и протест...**

– Я думаю, протест – нормальная, здоровая реакция на формализм. Не в последнюю очередь это связано с тем, что человек воспринимает покаяние как необходимый способ приведения своей души к некоему формальному идеалу христианской жизни. Понимаете, иногда из исповеди пытаются создать прокрустово

Поэтому покаяние является не результатом заниженной самооценки, а неизбежным следствием постоянного стремления к совершенству. Верующий человек понимает, что в данный момент он далеко не тот, кем мог бы и должен быть. Желание становиться все лучше и лучше как раз и рождает в нем потребность в

рично. То есть наша задача отнюдь не в том, чтобы превратиться в таких «стерильных праведничков», к которым нельзя предъявить никаких претензий. А в том, чтобы стать резонансными Христу, стать подражателями Ему и Его святым. Мы не просто пытаемся воспитывать в себе какие-то собственные добродетели, а ста-

Потратили все эти деньги, кошелек выбросили. Потом пошли на исповедь, рассказали, мол, так и так, согрешил воровством (не особо распространяясь, что, собственно, произошло). *«Бог тебя простит и разрешит»*, – говорит священник. И теперь вы с чистой совестью, потраченными чужими деньгами дальше иде-

НЕПРОСТЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ. Фото Владимира Ситникова.

ложе, в которое не может уместиться ни один человек. Но исповедь – это не ущемление человека в его интересах как личности, не унижение его достоинства, а глубокое «переформатирование»! Она не уничтожает человека как личность, не подменяет его жизнь какими-то искусственными, чуждыми ему идеалами. Правильная исповедь и сопутствующее духовное руководство просто так перемещают акценты в жизни, что начинается процесс постепенной кристаллизации глубинных смыслов: бесконечное внутреннее брожение приостанавливается, внутри появляется новый центр, к которому всё остальное в жизни начинает постепенно притягиваться и вставать на свои места. А центр этот уже живет самым главным – жаждой Богообщения.

ПОКАЯНИЕ – НЕ САМОУНИЧИЖЕНИЕ

– **Нередко можно услышать такое мнение: вы все время каетесь, унижаете себя, боитесь совершить ошибку; значит, Православие – капитуляция перед жизнью, проявление слабости. Что на это ответить?**

– На самом деле все наоборот. Покаяние – это стремление становиться все лучше и лучше. Говоря о духовной жизни, апостол Павел сравнивает христианина со спортсменом. Он говорит: все бегут на ристалище, но победа достается тому, кто прибежит первым; вот так и мы должны стремиться достичь большего.

осознании своего греха и победе над ним.

Здесь есть определенный парадокс: чем ближе человек становится к Богу, тем более непотребным, грешным он себя видит – но в нем это рождает не отчаяние или упадок сил, а, напротив, становится источником стремления ко Христу, постоянного очищения, обновления Божественной благодатью.

Есть среди аграф (не записанных в канонических Евангелиях изречений Христа) такие слова: *«Просите великого, и малое приложится вам; просите небесного, и земное приложится вам»*. То есть для того чтобы стать хотя бы просто хорошими, порядочными людьми, мы ставим себе очень высокую планку – планку святости. Если опустим планку до обычной человеческой душевности и порядочности, то и этого не достигнем и останемся в своем непотребном состоянии.

– **Поиск своих недостатков никак не связан с заниженной самооценкой?**

– Конечно, человек, который приходит на исповедь, думает о себе гораздо хуже, нежели когда он, например, совершает какое-то доброе дело. Но это для него – следствие своего сравнения с идеалом, со Христом. А вовсе не самоцель.

Цель покаяния в том, чтобы человек приблизился ко Христу и сделался другим, а не в том, чтобы он опустил голову как можно ниже и стал думать о себе как можно хуже. Можно сказать так: в христианстве покаяние не грехоцентрично, а Христоцент-

раемся сделать душу предельно прозрачной для того, чтобы в ней преломлялся – но не искажался! – Сам Христос. Чтобы не происходило бесконечного закручивания спиралек страстей вокруг нашего самолюбия, а напротив: те способности души, которые вложены в нас Богом, раскрывались бы во всей своей красоте и полноте!

Поэтому глубоко неправильно отождествлять покаяние с самоуничтожением и саможалением.

– **Можно ли увидеть плод покаяния? Понять: вот, я на верном пути?**

– Да. Например, видение своих грехов напрямую вытекает из покаяния.

Я помню, один семинарист шутил: *«Исповедался, причастился – и так хорошо, что хоть на рельсы ложиться!»* Это показывает, что зачастую человек и не догадывается, что в его душе еще масса всего, что требует работы, требует существенного перерождения. На самом деле то, что он может в данный момент, и то, чего от него в итоге хочет Бог, – это разные вещи.

Боюсь, никакая душа не выдержит зрелища своего реального состояния. Поэтому Господь открывает человеку его несоответствие евангельскому идеалу ровно в той мере, в какой он способен понести и не только согласиться, но и сделать определенные выводы.

Новонаначальному незачем видеть какие-то тонкие оттенки, которые он не то что не сможет принять, а которые вызовут откровенный внутренний бунт, если не отчаяние. Он просто еще не готов. А вот когда проходит время, человек кается, принимает прощение, реально видит, как освобождается от определенных страстей, у него увеличивается доверие Богу, и Господь понемногу, потихоньку открывает ему то, над чем надо дальше работать.

– **То есть не надо форсировать процесс?**

– Ни в коем случае.

– **Бывает ли, что человек формально делает все верно, но настоящего покаяния не происходит? И как это распознать?**

– Я студентам часто привожу такой пример. Представьте себе, вы украли у кого-то кошелек.

те по жизни. Сможете ли вы в следующий раз сделать то же самое? Пятьдесят на пятьдесят! Возможно, будет стыдно, но есть масса ухищрений, чтобы стыд притупить: можно пойти на исповедь к другому батюшке, например, который и не знает, что перед ним – хронический вор и обманщик.

А теперь представьте себе другую ситуацию. Вы украли кошелек, истратили деньги, потом осознали, что наделали. И идете, возвращаете деньги тому, у кого украли, да еще говорите ему: *«Прости меня, я у тебя украл кошелек, вот возьми то, что я у тебя украл. И вот тебе еще денег в качестве моральной компенсации за то, что я тебя обворовал»*. Так вот, я очень сомневаюсь, что после такого поступка у человека снова появится желание своровать.

Поэтому когда мы внутри себя, в душе сокрушаемся – это хорошо. Но чтобы покаяние было полноценным, необходимо какое-то деятельное участие, какая-то внешняя перемена.

– **Не многие могут похвастаться тем, что никогда не возвращались к тем грехам, в которых каялись. Это значит, что-то делается неверно?**

– Тут надо понимать, что одно дело – грех, который человек совершает по причине своего несовершенства: мы все далеко не такие, какими должны быть, и всю жизнь это преодолеваем. И совсем другое дело – грех, который человек совершает потому, что хочет его совершать. Он живет этим, и вполне определенная страсть становится важным, если не центральным, содержанием его жизни.

В первом случае, я думаю, действительно не так легко сказать: *«Все, больше я этого не совершаю!»* А во втором случае – если уж человек действительно кается в совершённом грехе, то к нему уже не возвращается: это слишком больно, позорно, стыдно...

Беседовала Валерия Посашко
По материалам статьи
«Совесть очищается стыдом»
Журнал «Фома» №4 (120)
апрель 2013
Заголовок и подзаголовок
«Православной газеты»

Преподобный Ефрем Сирий

Если случится с тобою огорчение, то потерпеть оное – не крайнее еще зло; тяжело же и опасно оставаться в огорчении. Если в отсутствие твое, брат, злословил тебя кто-нибудь, и другой, пришедши, объявит тебе, что такой-то брат злословил тебя, то, как мудрый, разбери, чье это наваждение и не огорчайся на брата своего. А известившему тебя скажи так: *«Хотя оскорбил он меня, но он мне брат, да я и сам заслужил оскорбление; впрочем, оскорбил*

ПОУЧЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ХРИСТИАНИНУ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЛИКОДУШНЫМ И НЕЗЛОПАМЯТНЫМ

он не сам по себе, но устроил сие враг, чтобы посеять вражду между нами. Господь же да разорит умыслы лукавого, а брата да помилует, и нас да не оставит». Если опять и в лицо будешь оскорблен, не досаду на сие и не приходи в движение умом. Если же случится потерпеть оскорбление за худое дело, то не будем жестокосердыми, но исправим лучше свою погрешность. А если и по вражескому наваждению случится сие, ты, как знающий

дело, не досаду на брата своего. Ибо если, оскорбленный, воздашь оскорблением, то нанесешь себе двойную обиду: во-первых, тем, что, оскорбленный, не перенес сего великодушно, а во-вторых, тем, что на бесстыдный с тобою поступок отвечал злословием.

Посему, когда будет кто тебя злословить, не воспламеняйся гневом, но тотчас, с скромною усмешкою, показав на лице улыбку, раздражение свое перемени на мир. Но есть и такой

смех, который возжигает в другом гнев; ибо сказано: смехом безумный творит злая (Притч. 10, 23). Не о такой усмешке говорю, братия; напротив того, как искусный и опытный врач, раствори врачевство любви в союзе мира (Еф. 4, 2). Огонь не гасится огнем. Посему смеяться не должно; а ты любовию, Stephenностью и великодушием утоли гнев раздражительного беса. Ибо написано: гнев мужа, правды Божия не соделовав (Иак. 1, 20)... А если брат твой

не вразумляется улыбкою, то всеми мерами постараемся усовестить брата, чтобы не во злобдало им раздражение...

Когда Давид бежал от лица Авессалома, сына своего, Семея, вышедши навстречу, не злословил ли царя Давида пред всеми сопутствующими его? Не наедине злословил царя, чтобы не сказал иной, что поэтому и перенес он обиду великодушно. Даже не только злословил, но проклинал и бросал в царя камнями; почему некто из

близких друзей говорил царю: почто проклинает пес умерший сей господина моего царя? Ныне пойду и отниму главу его. И рече царь ему: что мне и вам, сынове Саруины? оставите его проклинати мя тако, яко Господь рече ему проклинати Давида; и кто речет ему: почто сотворил еси тако (2 Цар. 16, 9-10)?.. И если Давид, будучи царем и пророком, показал столько усердия и смиренномудрия, то каковы должны быть мы, нищие и грешные?..

Игумен Савва (Мажу-ко), насельник Свято-Никольского мужского монастыря города Гомеля, Белоруссия.

КАК МЫ ПОНИМАЕМ СПАСЕНИЕ?

Сами верующие всегда ли понимают, о чем же они просят, когда молятся о спасении или желают его хорошим людям? Случается, что два верных прихожанина, разговарившись, вдруг обнаруживают, что представления о спасении у них разнятся невероятно. Так уж бывает, и довольно часто, что православных людей объединяет не вера, а какие-то совершенно посторонние вещи: обычай, болезнь, привычка, политика, страх, а иногда – и просто скука.

Но многие христиане – нет, не большинство, но многие – согласны в том, что неверующие и люди других религий и исповеданий **будут обязательно гореть в аду**. У православных есть шанс туда не попасть – спасаются не многие. То есть спасение очень часто мыслится как избавление от адских мук. Избежавшие ада идут в рай. Если праведник едва спасается, – сокрушается ап. Петр, – то нечестивый и грешный где явится? (1Петр. 4:18). Как говорила одна бабушка: *«Мне бы, грешнице, хоть где-нибудь на краешке там посидеть, ножки свесить»*. Даже очень хорошему человеку крайне трудно попасть в рай, а вы говорите – иноверцы.

Для последователей Бога-Человеколюбца это очень странная вера: **убежденность** в том, что всякий неправославный человек лишен спасения, то есть попадет в ад. Есть, конечно, версии более мягкие, но они скорее разновидность уже названного варианта. Некоторые православные богословы и миссионеры говорят об этом прямо, другие намеками. Но смысл один: неправославные не спасутся, что в переводе значит – гореть вам в аду! Из православных спасутся тоже не все, но лишь малая часть благочестивых людей, и гарантий – никаких.

Конечно, это рождает множество вопросов. И первый из них: может ли наследовать Царство Небесное человек, исповедующий такую веру, то есть религиозно убежденный в том, что всякий неединоверный ему человек будет за это и именно за это предан вечной муке? В какого бога верит такой человек? Можем ли мы быть уверены, что этот бог и есть Бог-Любовь? Это вопросы скорее риторические и ответ на них для меня очевиден. С другой стороны, правильно ли мы делаем, что отождествляем спасение с избавлением от ада? Лишение спасения и ад – это одно и то же? Тогда: что такое спасение? От чего мы спасаемся? Что мы можем знать о судьбе и участи людей неправославных и иноверцев?

ЗЕРНА ДОБРА

Среди древних гор, в дикой пустыне жил отшельник. Еще мальчиком он сделался монахом и стал учеником известного подвижника. В трудах воздержания, в безмолвии и бдении он и сам незаметно стал учителем, и в его скромную пещерку стали приходить люди, прося помощи и наставлений.

Однажды некий почитатель оставил старцу большую сумму денег, чтобы он мог купить себе и своему ученику припасов на зиму. Послушник, одержимый страстью сребролюбия, зарезал старца и похитил деньги. Через несколько дней в пещерку вернулся другой ученик и нашел наставника в крови и ужасных ранах, но живого. Смерд от гниющих ран пропитал келью. Вся пещера была в крови. Старец жестоко страдал, но взял с ученика слово, что он до его кончины не будет звать никого, чтобы обнаружить его в таком состоянии, люди не стали преследовать убийцу и у того было бы больше времени, чтобы скрыться.

– Его схватят и приговорят к смерти, – говорил старец, – а я не могу этого допустить. Со временем он может исправиться и вернуться к правильной жизни.

Ученик выполнил завещание старца, и тот, мужественно перенося нечеловеческую боль, скончался в своей пещерке.

Это не легенда. И старец, и его ученики – реальные лица. Они жили в начале XX века и имена их известны, как и место этих событий. Историю эту сообщает Александр Давид-Незль в своей знаменитой книге «Мистики и маги Тибета». Да, это были самые настоящие тибетские монахи, и люди, знакомые с духовной практикой ламаизма, как и просто необычайно ревностные христиане, имеют полное право возмутиться в этом месте и прервать чтение. И понятно почему: те духовные опыты, которые описывает даже Давид-Незль, способны вызвать ужас у любого читателя-христианина.

Вызывания демонов, поедание трупов и прочие жуткие ритуалы... Но мне нравится эта история тибетского старца, потому что она укрепляет меня в надежде на то, что никакая религия не способна убить в человеке зерно подлинно человеческого, посеянное в наши души Творцом...

Почему мне вдруг вспомнился этот случай? Потому что я считаю глубоким заблуждением несокрушимую убежденность в том, что всякому неправославному предстоит гореть в аду. В истории и литературе, да и просто в нашей жизни мы можем вспомнить огромное количество примеров бескорыстной жертвенности и подлинного человеколюбия, проявленного не только нехристианами, но и людьми неверующими.

Например, где-то на Кавказе живет старушка в горном ауле, и у нее козы. Она любит своих внуков, кормит их сыром и радуется их силе и красоте. Она ни слова не знает по-русски, воспитали ее в другой культуре и религии. Она молится так, как ее научила мать, живет так, чтобы быть достойной своего отца, своего народа, никому не желая зла и, главное, никому этого зла не делает. У них не было церквей и священников. Они – мусульмане. И только лишь поэтому ей и ее детям и внукам назначены адские муки?

Как можно допустить, что люди, не узнавшие Христа, но жившие согласно Его заповедям, пусть

даже и не подозревая об этом, обречены на вечные муки? Спиноза, Бергсон, Бубер, Шолом-Алейхем, Януш Корчак были иудеями. Значит – горят в аду? Несмотря на всё добро, сделанное ими? Джон Донн, Шекспир, Ньютон, Льюис были англичанами. И только за это преданы посмертному мучению? Лейбниц, Кант, Шеллинг, Гёте, Гааз – протестанты. Их судьба нам известна? Великий Плотин, философ, аскет, человек, целиком отдавший себя поиску истины, всем умом и существом своим устремленный к Подлинному бытию – ему назначено вечное наказание?

Мои оппоненты скажут: рядом с Плотиним и другими жили настоящие христиане, лилась мученическая кровь, Бергсон хотел креститься, но так и не сделал этого, Бубер изучал христианское богословие, Шеллинг вел переписку с православными философами – большинство из них слышали о Христе и о Его Церкви, но гордыня – да! именно гордыня! – не дала им принять истину.

Чечня когда-то была христианской, там ходили православные миссионеры, и им следовало бы вернуться к настоящей вере отцов. Как можно их добро ставить на один уровень с нашим, христианским, настоящим? Если они тоже спасаются, то тогда какая ценность нашей веры?

СВЕТЛАЯ НАДЕЖДА НА БОГА

А я вовсе и не утверждаю, что иноверцы спасаются, я просто настаиваю, что у нас нет никаких оснований считать их обреченными на адские муки только за принадлежность к другой религии. Все евангельские реплики, связанные с посмертным наказанием грешников, указывают на главный критерий: **Господь будет судить людей за преступления против любви**. Достаточно вспомнить описание Страшного суда, которое дает нам Сам Судия в Евангелии от Матфея (глава 25).

Это не притча, рассказанная пророком, не сон прорицателя, не видение святого. Сам Господь подробно излагает ход этого судебного разбирательства. Христос приходит на суд во славе с ангелами Своими и отделяет грешников от праведников как пастырь отделяет овец от козлов. А потом идет опрос подсудимых. О чем Христос спрашивает? Не о религиозной принадлежности – увы! – не о политических взглядах, не об образованности и социальном статусе. Нагих одели? Больных посетили? Странников приютити? Голодных накормили? Жаждающих напоили? Вот и всё. А потом каждый идет туда, куда ему и следует – в радость Господа или в муку.

Ведь добро универсально. Каждый человек несет его в себе с рождения и ничего поделать с этим не может. Мы, вслед за Тертуллианом, верим, что всякая душа по природе христианина. Древние язычники тоже предчувствовали, хотя и не знали наверняка, что сотворены кем-то по-настоящему добрым, и зерна божественного добра живут в людях и делают их способными приобщаться к божественному бытию.

Бог обитает в душе, нам открыты небесные тропы, И от эфирных высот к нам вдохновенье летит (Наука любви. III, 549).

Это писал гениальный Овидий. А вот пророческие слова Цицерона: *«Есть несомненная некая сила, которая бдит над родом человеческого и не затем растит и питает его, чтобы по преодолении стольких трудов изнурить его в смерть, как в вековечное бедствие, – нет, скорее уж мы должны считать смерть открытым для нас прибежищем и пристанищем»* (Тускуланские беседы I, XLVIII, 118).

Если у этого изящного язычника была такая светлая надежда на Бога, предчувствие того, что он не стигнет понапрасну, и не на муку обречена его душа, а мир этот со всеми его красотами и чудесами, из которых человек всех чудесней, создан добрым Богом, и Ему можно доверять, то как на его фоне смотрится наша убежденность, что огромное число людей будет брошено в огонь? Не шаг ли это назад по сравнению с языческими упованиями, не знак ли это того, что мы недостаточно усвоили учение нашего Спасителя, умевшего ценить и беречь зернышки человеческого добра, где бы Он их ни находил?

БЫЛ ЛИ КРЕЩЕН ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ?

В Капернауме к Иисусу подходят иудеи и просят его исцелить слугу одного римского сотника (Мф 8; Лк 7). Они с ним были дружны, и сотник даже помогал как-то их синагоге. Иисус идет с иудеями в дом сотника, но по дороге ему встречается еще одна делегация – апостол Лука называет их друзьями сотника – т. е. сначала пришли иудеи, потом друзья, и можно предположить, что лично сотник со Христом так и не встретился, всё общение проходило через посредников.

И что же друзья? Сотник просит Иисуса в дом не входить. Заметим, что правоверному иудею вообще воспрещалось входить в дом язычников. Но сотник говорит о другом: я **недостойн**, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя не почел я достойным придти к Тебе; не скажи слово, и выздоровеет слуга мой (Лк. 7:6-7). Интересно дальше: Иисус удивился – вот так и написано – удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры (Лк. 7:9).

Совершенно понятно, что больной тотчас исцелился. Но меня здесь восхищает не чудо исцеления – по-другому и быть не могло. Вот – хороший человек, но – некрещенный. Правда, тогда крещенных-то и не было, и св. Иоанн Креститель, как известно, умер некрещеным и ни разу в жизни не причащался. А тут иноверец, язычник, человек другой крови и чужого языка. Человек-то он добрый, и иудеям он нравился, но ведь – один из них, из захватчиков, оккупант, идолопоклонник. И вот веру такого человека Христос ставит в пример иудеям, просвещенным

и правильно спасающимся. И это не единственный случай, когда Господь прославляет веру людей другой веры и племени.

Вот история о десяти прокаженных (Лк. 17). Господь велит им показаться священникам, и несчастные исцеляются по дороге, но поблагодарить Христа за исцеление догадался только один. «К сожалению», это был самарянин, человек нечистый для иудея – по крови и религии. Но Господь прославляет благодарность это самарянина, ставит её в пример.

И такая красивая история о вере хананеянки в 15 главе Матфея! Какая мудрая женщина, какой урок смирения для всякого верующего! У нее болела дочь, это было беснование – болезнь страшная и стыдная. Она не просила об исцелении, она кричала вслед Христу. А Он молчал. Будто и не слышал ничего. Уже и ученики устали от крика и просили Учителя что-нибудь сделать.

– Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. – Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

– О, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему.

Как это, наверное, здорово услышать, как Творец восхищается тобой. Каждый ребенок мечтает о том, чтобы отец им гордился. Об этом не говорят вслух, многие даже не осознают этого своего тайного желания, но так хочется, чтобы кто-то большой и настоящей радовался тебе, гордился тобой, заметил твой маленький, но очень важный труд.

ГОСПОДЬ ВСЕГДА ЗАМЕЧАЕТ ДОБРО

Господь всегда замечает добро. Он Тот, Кто умеет гордиться своими детьми, вселять в них бодрость, надежду и утешение. Христос удивился вере сотника, прославил благодарность самарянина, похвалил смирение хананеянки. Он замечает крупинки добра в нашей жизни и не смотрит на лица, цвет кожи или вероисповедание. Добро везде остается добром, и оно встречается, порой в самых неожиданных местах.

Апостол Павел, который со знанием дела и за дело обличал языческие нравы, тем не менее, писал: когда язычники не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую (Рим. 2:14-15). Заметим, апостол говорит, что язычники творят добро по природе – вот как верует Церковь, а мы перефразируем эту мысль словами Тертуллиана, утверждая, что каждая душа христианка именно по природе, по своему богообразному устроению.

Так что же – может, и не надо им и христианство проповедовать? Если душа и так христианка, по самой природе, зачем ее снова, как бы вторично обращать в христианство? Будем внимательны. Мы только что привели мысль апостола Павла из послания к римлянам. Это он произнес такое суждение о язычниках, и, тем не менее, ни капли не сомневаясь, обошел с проповедью о Христе всю вселенную. Значит, для него это не было противоречием. Ведь он проповедовал не новую этику или социально-политическое учение, и не новую философию. Он говорил людям о Христе – Спасителе, Боге-Человеколюбце, Победителе смерти, Творце этого мира.

Люди по природе, как-то совершенно естественно стремились и стремятся к Добру, Истине и Красоте, но они никак не могли понять, откуда в них это. Апостол им объяснил, в Кого они такие пошли, Чей образ они несут. Он не только говорил о Христе, но еще и приводил к Нему, и это не метафора, а живой опыт охристианения.

СМИРЯТЬ СЕБЯ В СВОИХ СУЖДЕНИЯХ

Но – кто же тогда горит в аду? Должны же быть точно известные люди, списки, реестры – кто-то же горит. О ком мы вообще можем точно сказать, что он горит в аду, высказать такое богословски обоснованное суждение ясно и отчетливо? Кто эти люди? Вот – из умрих: еретики, политики, поп-звезды, великие грешники и злодеи, самоубийцы, и, безусловно, Гитлер, Сталин, Джекс-потрошитель – горят?

Был такой некрасивый случай. Батюшка освятил квартиру моим знакомым. У них случилась трагедия – отец повесился. Священник долго и искренно молился, кропил святой водой и мазал маслом, и под конец, снимая епитрахиль, изрек: ваш отец сейчас в самых глубоких недрах ада, в самом жестоком пламени, и пребудет там вечно...

Какие у нас всё-таки терпеливые женщины. И удивительная способность – молча терпеть самое угрюмое хамство, ещё и облаченное в богословскую лексику. Хотя, кто из верующих может сказать про себя, что он никогда не был подвержен «приступам благочестия»?

Так горят самоубийцы в аду или не горят? Правильный ответ: мы не знаем. Это действительно единственный правильный ответ. А как же церковные обычаи: не отпевать, не поминать, не ставить креста? Очень правильные обычаи, и не стоит ими пренебрегать. Но это никак не приговор или вердикт, постановление о вечной муке в аду. Такие «дисциплинарные» меры нужны живым и именно как лекарство от суицидов, профилактика самоубийств эти церковные нормы очень эффективно работали многие века и всё ещё работают, но совсем не дают нам оснований считать, что вот этот конкретный самоубийца непременно горит в аду.

Мы просто не знаем, что происходило с человеком в последние секунды его жизни, что случилось в этот момент между ним и Богом. Самоубийство – страшный грех, обрекающий человека на вечную муку. Но мы говорим о поступке, поступок оцениваем, но не человека, не его судьбу взвешиваем, да и никто не давал нам такого права. О Гитлере и Стали-

не мы тоже не можем сказать с последней точностью, где они обретаются. Господь учит нас смирять себя в своих суждениях и выводах, и если нам кажется, что христианство способно ответить на все вопросы, мы ошиблись в выборе религии.

Одно можно сказать с определенностью и только о себе самом: я – самый большой грешник и хуже всех. Этой практике самообличения нас учит апостол Павел: Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый (1Тим. 1:15), и мы читаем эти слова, приступая к Чаше. Хотя грешниками себя и признаем, но к Чаше все равно подходим, потому что засуживать себя нам тоже не позволено. О каждом из нас, окаянном грешнике, последнее слово произнесет Господь, Он все знает, и от Него не утаивается ни одна капля слезная, ниже капли часть некая.

Господь говорит нам не всё. На многие вопросы Он так и не отвечает. Нам дано знать только необходимое. Так и в вопросе о посмертной участи иноверцев, об исторических судьбах, по которым почему-то попускается существование других вер и религий, нам не дано знать всего, а многое просто скрыто, и единственное, что нам остается, это молчаливое и смиренное доверие Богу.

НЕ СУДИТЕ ВНЕШНИХ

Есть апостольский завет: не судите внешних (1Кор. 5:13). Люди, находящиеся вне церковного общения, их судьбы и пути спасения закрыты для нас. Мы просто помним, что Бог есть Любовь, и Он Тот, Кто не желает погибели человеку: Ты любишь всё существующее, и ничем не гнушаешься, что сотворил; ибо не создал бы, если бы что ненавидел (Прем. 11:25), и от Него не сокрыто ни наше добро, ни наше зло – христианин ты или язычник, эллин или иудей.

Потому мы не смеем приговаривать иноверца к адским мукам только в силу его непринадлежности Христовой Церкви – внешних судит Бог (1Кор. 5:14). Но вместе с тем мы и не можем утверждать, что иноверцы спасаются: люди, внешние Церкви, не обязательно идут в ад, но это еще не значит, что они спасаются. И дело не в том, что существует какое-то промежуточное состояние, вроде тех, что описаны в дантовской поэме. Просто сам богословский термин «спасение» имеет четко определенное библейское значение.

Если мы внимательно вчитаемся в библейский текст, то вдруг откроем для себя, что термин «спасение» понимается нами слишком однобоко, если не совсем узко. Для нас спасение – это возможность попасть в рай и избежать ада. Но авторы Библии вкладывали другой смысл в это хорошо известное понятие. Если говорить несколько упрощенно, то для людей библейской культуры спасение – это то, что связано с Мессией, с Его явлением, служением, Его Царством, наконец.

Святой праведный Симеон Богоприимец, который, как и Предтеча, умер некрещеным, принимая на руки Божественного Младенца, произнес: видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля (Лк. 2:30-32). Ясно, что речь здесь не о загробных муках или блаженстве. Праведный старец увидел не ад и рай в их физическом исполнении, он держал на руках Спасителя.

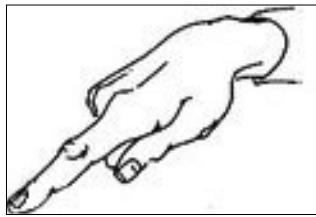
Когда мы рассуждаем на темы: спасутся ли иноверцы? как мне спастись? что есть спасение? – нам следует всегда возвращаться к Писанию, а оно говорит, что основанием, целью и силой энергий спасения является Христос, именно Он – Альфа и Омега спасения. Мне не хочется здесь расшифровывать термин «спасение» как соединение с Богом, обожение. Мы не соединения ищем, а Самого Христа, не обожения чаем, а Самого Бога. Ад или рай, добродетели и падения – всё меркнет и делается мелким перед Лицом Спасителя, и самые привлекательные посмертные блаженства делаются пустыми и ненужными, если я не с Ним.

Святые не боялись страданий от мучителей и боготорцев, они даже ада не страшились, потому что жили Христом и во Христе. Апостол Павел из любви к ближним, упорным братьям своим по крови, желал быть отлученным (Рим. 9:3) только ради того, чтобы и они узнали своего Спасителя, встретили Того, Кто есть Сама Жизнь. К такой жертвенности его подвигало Само Спасение, это вопиет в апостоле любовь Христова, живущая в нем, Жизнь, отказавшаяся от Самого Себя ради спасения людей.

Есть люди, твердо убежденные в том, что в христианстве есть ответы на все вопросы. К сожалению или к счастью, это не так, и чем глубже мы проникаемся Христовой истиной, тем больше вопросов встает перед нами. И это совсем не страшно, потому что Евангелие учит нас доверять Богу, а незакрытые вопросы – смиряться, и это очень хорошо, это правильно, ведь смирение – это и есть признак христианства. А где, по каким вехам проведены границы Церкви, мы узнаем не здесь.

Единственный верный опыт проведения этих границ описан в Апокалипсисе: там границы Церкви совпадают с границами Небесного Иерусалима, а это очень красивые стены из драгоценных камней. Вот там вопросов не будет, потому что и без них весело будет и радостно.

**Подзаголовки
«Православной газеты»**

Митрополит Сурожский Антоний

ОБ ИСТИННОМ ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА В ГЛАЗАХ БОЖИИХ

Два представления вышли на первый план, быть может, с большей ясностью после войны, чем до нее: представление о величии человека, о его значимости как для других людей, так и для Бога, и представление о человеческой солидарности.

Когда мы стараемся понять, какое значение Сам Бог придает человеку, мы видим, что мы куплены дорогой ценой, что цена человека в глазах Божиих – вся жизнь и вся смерть, трагическая смерть Его Единородного Сына на кресте. Вот как Бог мыслит человека – как Своего друга, созданного Им для того, чтобы он разделит с Ним вечность. Опять же, когда мы обращаемся к Евангелию, к притче о блудном сыне (Лк. 15:11-32), мы видим, как этот человек, который пал и утратил величие своего сыновства, своего призвания, возвращается к своему отцу. По дороге он готовит свою исповедь. Он готов признать, что согрешил против неба и против своего отца. Он готов признать, что недостойн более называться сыном. И, однако, когда он встречает отца, тот позволяет ему сказать только половину: исповедать свое недостойнство и свой грех – что он согрешил против неба и отца, но просить себе место в Царствии ниже сыновства – «прими меня в число наемников твоих» – этого он позволить не может. Он останавливает сына в тот момент, когда юноша признается в своем недостойнстве, потому что не может позволить своему сыну предлагать иные условия для восстановления своего звания – недостойные тех первичных, изначальных и вечных взаимоотношений, к которым он призван. Он может быть недостойным сыном, он может быть кающимся сыном, он может вернуться в отчий дом, но только как сын. Каким бы недостойным сыном он ни был, он никогда не сможет стать достойным наемником.

Вот так Бог смотрит на человека – в перспективе его сыновства, которое даровано нам в воплощении Господа Иисуса Христа, которое заложено в акте творения и соответствует нашему призванию стать причастниками Божественной природы (2 Пет. 1:4), быть усыновленными в Единородном Сыне и в Единственном Сыне, стать, по слову Иринеев Лионского, единородным сыном во всецелом Христе.

РАБСКИЙ ПОДХОД К ГОСПОДУ?

Это наше призвание. Это то, чем мы должны быть. На меньшее Господь не согласен. Так вот, это видение человека несовместимо с тем умаленным представлением, которое так часто у нас складывается из-за ложного учения и рабского подхода к Господу. И поэтому внешний мир не может воспринять нашей проповеди: эта проповедь стала ложной, потому что никто из тех, кто сознает дух человеческий в себе самом, никогда не согласится, чтобы его рассматривали ниже, чем он сам знает о себе. Человек – это место встречи между верующим и неверующим, между человеком веры и безбожником, это возможность встречи и общего мышления.

Когда в Писании говорится, что сердце человеческое глубоко (Пс. 63:7), речь идет о той глубине, которая не уместается в геометрию, которая есть третье измерение – вечности и безмерности, это есть собственное измерение Бога. И поэтому когда человека возносят на алтарь, чтобы ему поклоняться только как историческому существу, живущему в пространстве и во времени, оказывается, что в нём поклоняться нечему. Он может быть большим, он может перерасти самого себя. Он может стать одним из тех великодушных идолов, о которых мы знаем из истории ранних цивилизаций, но он никогда не обретет величия, потому что величие

не определяется размером. Только в том случае, если человек имеет это третье измерение, невидимое, неосознаемое – измерение глубины и содержания, бесконечности и вечности, – только тогда человек больше, чем видимое, и тогда даже в унижении своем он становится великим. Даже будучи побежденным, он может быть больше, чем тот, кто его по видимости победил.

ПОБЕДА ЛЮБВИ

Откровение Бога во Христе, или абсолютное измерение вечности и безмерности во Христе, связано с откровением о поражении и унижении. Для тех в языческом мире и в еврейской традиции, кто представлял Бога облеченным во все мыслимое человеком величие, кто видел в Боге все свои устремления в совокупности, все, что их восхитало в творении, – для этих людей откровение Бога во Христе было оскорбительным и кощунственным, оно было невыносимо, потому что великий, пренебесный и победоносный Бог, Которого они представляли и Которого с такой красотой и силой описывали, например, друзья Иова (Иов. 4-5, 11, 25), этот Бог является им пораженным, беззащитным, уязвимым, побежденным и поэтому достойным презрения. И вместе с тем в Нем мы обнаруживаем предельное величие, потому что во всем этом – в Его видимом поражении – видим победу любви: любви, которая, дойдя до предела – до последней возможности или даже сверх всякой возможности, если мы имеем в виду себя самих, – остается непобежденной и побеждающей. Никто не отнимает у Меня жизни – говорит Христос – Я отдаю ее свободно (Ин. 10:18). Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15:13). Видимое поражение, совершенная победа любви, испытанная до последнего предела.

Этого человека – Иисуса Христа – мы тоже возносим на алтарь. Он также является для нас мерой всех вещей. Но Он – совсем не тот жалкий идол, которому безбожный мир приписывает нас поклоняться и приносить в жертву самих себя и других. Поэтому мы, христиане, можем пойти на открытую встречу с неверующими, с теми, кто находится в поиске, и с теми, кто еще ничего не ищет, и место нашей встречи – образ человека. Но мы должны быть готовы утверждать, что человек – больше того, каким его представляет воображение неверующего. Наше представление о человеке гораздо более величественное, чем представление тех, кто стремится сделать человека максимально большим в двумерном мире, из которого Бог исключен. И вместе с тем именно в этой точке – в видении человека – мы можем встретиться со всеми теми, кто настаивает, что человек имеет право быть великим и быть предметом поклонения, потому что мы поклоняемся Тому, Кто – Человек: мы склоняемся перед Ним, Он – наш Бог.

О СОЛИДАРНОСТИ БОГА С ЧЕЛОВЕКОМ

Насколько далеко мы можем идти в переживании окончательной, всецелой, безусловной солидарности с теми, кто отрицает существование самой возможности этого измерения величия и глубины? В свое время апостол Павел, говоря об иудеях, был готов на отлучение от лица Божия, если бы через это мог быть спасен весь народ Божий (Рим. 9:3). Не можем ли мы пойти еще дальше и вместе со Христом, а не против Него, вместе с Богом, а не против Него сказать: «Пусть наша жизнь будет выкупом за жизнь мира»? И когда я говорю «жизнь мира», я не имею в виду временное существование, но всеобщую судьбу человечества. Можем ли мы достичь такой готовности, чтобы взять на себя предельный риск солидарности: или вместе быть спасенными, или вместе все потерять? У

христианина не может быть иного подхода к вещам, кроме Христова: Бога, открывшегося во Христе внутри человеческой истории, внутри становления, трагедии и славы человеческой судьбы...

На протяжении всей Библии мы видим, что Бог никогда не отказывался ни от ответственности, ни от солидарности с человеком; мы видим, как Он действует в различных ситуациях, человеком созданным, как Он применяется к ним, чтобы совершать наше спасение, которое является конечным исполнением человеческого предназначения. Однако существенным событием, существенным актом солидарности является воплощение Слова Божия. Бог становится человеком. Бог вступает в историю. Можно сказать, Он принимает на Себя временную судьбу, Он становится частью, моментом становления...

Если мы обратимся к Писанию, мы увидим, что смерть и грех, то есть смерть и отдаленность от Бога, смерть и потеря Бога – то, что можно этимологически назвать атеизмом, – неразрывно связаны. Смерть коренится в потере Бога, в отлученности от Него. Святой Максим Исповедник в одном из своих писаний выражается об этом очень сильно: по поводу Воплощения он говорит, что в самый момент зачатия Христос, даже в Своем человечестве, был бессмертен, так как невозможно помыслить, что человеческая плоть, соединенная с Божеством, подвержена смерти.

Далее, когда мы говорим о распятии, мы сознаем, что смерть Христа на кресте была немислимим разрыванием бессмертной души и бессмертного тела: это не было угасанием жизни, это было драматическим, невозможным событием, которое по воле Божией совершилось с Тем, Кто был равно совершенным Богом и совершенным человеком. И тогда слова Христа на кресте приобретают значение более глубокое и ужасающее, чем мы можем себе представить. Когда Господь произносит: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?* (Мк. 15:34) – это момент, в который метафизически, невыразимым образом, недоступным для объяснения – потому что мы ничего не можем объяснить в тайне Христа, – пригвожденный к кресту Иисус теряет сознание Своего единства с Богом. Он может умереть, потому что – свободный от греха – в этот момент Он полностью соучаствует в судьбе человека, и Он тоже остается без Бога, и, оставшись без Бога, Он умирает. Вот мера Божией солидарности с нами: не только в пролитии крови, не только в смерти на кресте, но и в самом условии этой смерти на кресте, смерти вообще – в потере Бога... Это является полной меру Христовой и Божией любви к людям в том, что Бог готов совершить, это показывает, насколько далеко Он готов идти ради единения с нами.

Мы должны быть солидарны прежде всего со Христом, а в Нем – со всеми людьми до последней черты, до полной меры жизни и смерти. И только тогда, если мы это принимаем, мы все – каждый из нас и сообщество всех верных, народ Божий – можем вырастать в то, что было во Христе и что было в апостолах, то есть в группу людей, которые обладают более величественным видением, чем мир, большим масштабом, чем мир, так чтобы Церковь от начала могла содержать в себе все это: могла быть причастной ко всем условиям существования человека и поэтому могла вести человечество к спасению. Однако мы не таковы. Мы измелчали, потому что сделали из Бога идола, а себя превратили в рабов. Мы должны восстановить сознание того величия, которое Бог явил во Христе, того величия человека, которое Христос открыл нам. И тогда мир сможет начать верить, и мы сможем стать соработниками Бога в деле всеобщего спасения.

Подзаголовок
«Православной газеты»

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТ...»

Именно художественный образ, слово, лежат в основе подросткового воспитания чувств, развития сознания. Хотя мой опыт показывает, что и творения Учителей Церкви можно использовать в работе с детьми, но здесь нужно четко понимать, о чем идет речь, чтобы использовать святоотеческие труды в позитивном плане.

Что касается молитвенного правила, то, под определенным углом зрения в нем можно заметить серьезный антропологический перекося в том, что человек постоянно оказывается во всем виноват, ни на что не способен, такому человеку нельзя доверять. Это же продиктовано и жесткой системой отношения к постам, подготовки к причастию. Создается впечатление, что всякое человеческое недостойнство покрывается неким системным подходом: вычитыванием правила, соблюдением постных дней, регу-

Протоиерей

Алексий

Уминский

лярной исповедью и это психологически освобождает человека от ответственности за его жизнь, за его отношения с Богом. Об этом стоит поговорить.

Прежде всего, нужно разобраться внутри Церкви с нашим взглядом на самого человека: кто он такой, человек; что такое человеческая личность, человеческое достоинство. Наша христианская антропология учит о человеке как о величайшем творении Божиим. Но не многие это понимают и ощущают. Связано это в том числе и с тем, что в течение последнего столетия человеческая личность подавлялась неимоверно, и отношение к человеку как к ничего не стоящему существу было понятием. Когда постсоветский человек берет в руки книгу из церковной лавки, то нередко видит в ней подтверждение своей собственной никчемности, свой греховности. Сегодня часто человек приходит в храм уже в надломленном состоянии. Он очень управляемый, легко поддается манипуляции. Такому человеку всегда можно объяснить, что он ни на что не имеет права, что он кругом виноват. И это, конечно, трагедия, потому что для современной жизни Церкви необходимо совсем другое.

О СОВЕСТИ И СВОБОДЕ

Сегодня те люди, которые говорят от имени Церкви, обращаются к обществу с учением о свободе, о человеческом достоинстве, о любви. Но такие понятия, такие как любовь, радость, свобода, отсутствуют у человека с подавленным чувством собственного достоинства. В этом смысле как раз правильно понятие святоотеческое учение и может помочь нам снова обрести смысл жизни. Наверное, пришло время пересмотреть и то, как мы молимся. Ведь наши молитвословы появились не так давно, где-то в конце 18-го века. Но главное это то, что о человеке надо иначе говорить, на человека надо иначе смотреть, и вот здесь нам святоотеческое учение может здорово помочь, например, «Душеполезные поучения» Аввы Дорофея.

Начиная с 9-го класса, мы беседуем о ней со школьниками. Там есть глава «О совести», где мы говорим о совести и о свободе. В главе «О страхе Божиим» мы рассуждаем о том, какой

страх делает человека рабом, а какой делает человека свободным. Разбираем понятия «смирение», «смиреномудрие». Как правило, перед началом такой беседы, когда сначала спрашиваешь у ребенка, как выглядит смиренный человек, он выдает портрет человека с психическим расстройством. А потом вдруг оказывается, что смиренными были все наши святые: и Святой Александр Невский, и Федор Ушаков, которые считаются героями, воинами, – это все смиренные люди. Тогда приходит понимание, что корень смирения глубже лежит. Что смирение – это мир с самим собой, с ближним, с Богом. Как этот мир достигается – это замечательный разговор о человеческом достоинстве.

Конечно, произведения для таких бесед надо выбирать очень аккуратно. К нашему разговору подошли бы и «Наставления о доброй

ЧЕЛОВЕК КАК

«ХРИСТИАНСКАЯ СВЯТЫНЯ»

Уместно ли ребенку ли ребенку говорить, что он великий грешник? Адаптировать ли для детей опыт Святых Отцов?

нравственности и святой жизни» Антония Великого из «Добротолюбия». Там как раз говорится о том, что человек, который умеет каяться, не боится быть самим собой. В этом главное достижение христианства.

Беседа об этом с детьми, говоря о покаянии, я также привожу в пример сказку «Волшебник Изумрудного города». Там есть три персонажа: Страшила, Железный Дровосек и Лев. Это прекрасные образы того, как мы боимся за себя таких, какими мы на самом деле не являемся. Строим из себя другую историю, играем чью-то роль. Как только три героя признались, что у них нет мудрости, смелости и любви, как тотчас они оказались способными всё это приобрести. Так и каждый человек: он может приобрести ум, только когда он не побоялся признать то, что у него этого ума нет. Это и есть покаяние.

Но покаяться человек может тогда, когда знает, что окружен Божественной любовью, любовью Церкви, ближнего. Когда же он видит только осуждающий взгляд на себя со стороны, он будет бояться.

ВМЕСТО ЛЮБВИ –

СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ?

Поэтому неудивительно, что когда святоотеческие тексты звучат в контексте нелюбви, они могут быть восприняты неправильно. Вместо любви может быть усвоено только системное мышление: читай то-то и то-то, постись так-то и так-то, причащайся, ходи на службы – и все будет хорошо.

Но ведь все люди разные: не могут два человека одинаково молиться, не могут все люди делать все, как написано в правиле. А взгляд на тебя без любви, это как взгляд на механизм, который плохо работает. Сегодня мы говорим о том, что должны защищать свои христианские святыни. А что для Церкви является главной христианской святыней? Человек. Ничего более ценного, более святого в нашей Церкви нет и быть не должно.

«Нескучный сад»
Подзаголовок «Православной газеты»
Фото протоиерея Алексия Уминского
сделано диаконом Андреем РАДКЕВИЧЕМ.

Фото Юрия Макарова

Что будет после смерти с теми, кто не делал ничего плохого, но и хорошего не делал? С теми, о ком даже вспомнить нечего, такими они были «никакими»? Размышляет протоиерей Андрей Ткачев.

ОТКАЗНИКИ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

В третьей песне Дантова «Ада» Данте и Вергилий приближаются к страшным воротам, на

Согласно этому поэтическому прозрению, худшая доля – это бесцветность, блеклость, бессмысленность жизни. Человек наделен сердцем, умом и волей. Он, следовательно, обязан думать, чувствовать и действовать.

меня», – молитва наша, взятая, хотя бы, от уст благоразумного разбойника.

Должна быть прожита каждым человеком словесная жизнь, достойная надгробного слова. Иначе останется только антропоморфное скотство, достойное одного лишь похоронного пьянства.

Они не стоят слов: взгляни – и мимо!

И хотя мы сказали, что имеем дело не с Откровением, но с поэ-

ет извергнуть (по-славянски «изблевать») от уст.

О БЕСЦВЕТНЫХ ГЛАЗАХ

Не жалуемся ли и мы часто, что жизнь, при всех сияниях рекламы, стала какой-то блеклой, лишённой подлинных красок? Самое страшное – это ведь не только небо, закрытое самолетами, или голодные взгляды детей. Это было прожито и пережито поколениями прежде нас. Страшны также бесцветные глаза у стариков и молодежи, страшны карикатурно-одинаковые интересы огромных человеческих масс. Масштабы цивилизационного обезличивания вряд ли даже предполагались нашими далекими предками. У верующей души страшна холодность, отсутствие огня в работе для Господа, безразличие. Страшно то, о чем писала одна американская поэтесса:

Гвоздями пронзили руки Его
Потом... потом все надели шляпы...
(Анна Секстой)

ГОРДИТСЯ ЛИ ТЕМ, ЧТО «УНИВЕРСИТЕТОВ НЕ КОНЧАЛИ»?

Итак, сказанное у поэта имеет вполне практический вывод даже для тех, кто странно гордится тем, что в «университетах не обучался». Человек должен быть не амёбой, но раскрывшейся личностью, интересной, неповторимой, яркой без ложных красок, красивой без макияжа, нашедшей себя и помогающей другим найти себя.

Иначе:
Их память на земле невоскресима
От них и суд, и милость отошли
Они не стоят слов: взгляни – и мимо!

Православие и мир
Подзаголовки
«Православной газеты»

Протоиерей Алексей Уминский

ВЕРНУТЬ СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Сегодня мы живем в совершенно нехристианском государстве, в пока еще не христианской стране, которая, может быть, и готова стать христианской, но путь этот очень непростой. Одна из самых главных задач сегодня – вернуть себе человеческое, считают протоиерей Алексей Уминский.

«КТО Я ТАКОЙ?»

– С тех пор как атеизм и общее стремление к светскости перестали восприниматься как единственно верное направление, грань между религиозным и светским начала стираться – взять хотя бы социологические опросы: респонденты могут ответить, что не верят в Бога, но признают себя православными.

– По-моему, дело не столько в новой форме сознания, сколько в бессознательном. Многие наши соотечественники перестали понимать значение слов. Когда мы называем мир секулярным, или религиозным, или постсекулярным, то должны как-то осмыслять его внутри себя. Сегодня же складывается общество релятивизма, где все относительно. Я – некий такой Понтий Пилат, который при встрече с Христом смотрит на него свысока и говорит: «Ну что есть истина?» Понимаете? Когда 75 процентов опрошенных говорят: «Мы православные», – но при этом не понимают, о чём идет речь, это ещё не значит, что общество достигло новой стадии самоидентификации, самоосмысления. Напротив, общество до сих пор в самом элементарном смысле не знает ответа на вопрос «Кто я такой?».

– И кто вокруг меня?

– Кто вообще те люди, которые меня окружают. Что за страна, в которой я живу. Что за язык, на котором я говорю. Что за картины, которые висят в Третьяковской галерее, или вообще что значит «Третьяковская галерея». И так далее, и тому подобное. Сегодня можно говорить только об обществе, лишённом смысла. Об обществе людей, которые не научились вообще понимать, осознавать себя в элементарных понятиях человечества. И тогда говорить о религиозности или нерелигиозности, о выборе человека либо об отказе от этого выбора бессмысленно. Поскольку человек не сформулирован для самого себя, о чем-то большем говорить трудно. Самая беда, что к такому обществу и к такому человеку очень сложно обращаться даже с проповедью о Христе, потому что совершенно непонятно, к кому обращаться. И так же сложно обращаться с любой другой идеей, кроме какой-нибудь совсем уж архетипичной: «моя пещера», «моя дубина». Иные идеи такое общество, боюсь, вообще не способно воспринять.

БЫТЬ ВНЕ ВСЕГО?

– Вы имеете в виду новозаветный образ человека, который «ни холоден, ни горяч»?

– О, это слишком высокие понятия для современного общества. Вот как раз «ни холоден, ни горяч» – это, наверное, как раз то постсекулярное сознание, о котором вы говорите. Я не холоден и не горяч, мне на всех, по большому счету, наплевать. Моя позиция: хочешь в церковь – пожалуйста! И я с тобой могу пойти в церковь, мне даже интересно посмотреть, что там происходит. Я даже готов восхититься мыслью какого-нибудь вашего философа и со вкусом процитировать, например, Бердяева, потому что я ин-

Окончание на стр. 8.

«Христианство не есть что-то посредственное, это великая тайна. Размышляй о своем собственном достоинстве... В миропомании все становятся царями, священниками и пророками небесных тайн».

Преп. Макарий Египетский

«Мы – цари господством над нашими страстями».

Св. Игумений

«Душа являет свою царственность в свободном обладании своими желаниями, что присуще лишь царю, ибо властвовать надо всем есть свойство царской природы».

Св. Григорий Нисский

Владимир ЛЕГОЙДА

«Ты меня уважаешь?» На ум все чаще приходит этот вопрос, который еще недавно возникал обычно в связи с застольем и его неизменной составляющей – обильным возлиянием. Эдакая маркировка границы разумного или, скорее, ее перехода. The end, так сказать. Причем не всегда happy, ведь последовать за тем могло все что угодно. Сегодня таким вопросом задаешься уже на трезвую голову. Хотя радостнее от этого не становится. И вот почему.

ЭТИ НЕПРАВОСЛАВНЫЕ ДИАЛОГИ

Отсутствие уважения – к человеку, к возрасту, к слабости, к силе, к власти, к безвластию, к уму (далее везде) – стало нестираемой чертой нынешней эпохи. Быстрее и ярче всего черта эта проступает, конечно, «в этих ваших Интернетях». Точнее, в тех формах организации интернет-общения, где есть диалог – в форумах, блогах, соцсетях и комментах. Сначала считали, что причина – в интернет-анонимности:

бесстрашие от безнаказанности, от отсутствия последствий. Ан нет: в социальных сетях все вполне себе неанонимно, однако хамства и неуважения там не намного меньше, чем в других интернет-сообществах.

Более того. В православных интернет-коммуникациях, а также в блогах с участием нас, ничтоже сумняшеся именующих себя православными, неуважение друг к другу – обычное дело, увы. Справедливости ради скажу, что у нас меньше мата. Но это какое-то совсем слабое утешение.

Не буду говорить о тех, кто себя христианами не считает. Не потому, что мне до них нет дела, и не из-за того, что не считаю их близкими, коих нам заповедано любить, а значит, и уважать. Но находить в первую очередь понимание среди единоверцев как-то логично, правда? Ведь это люди, у которых должно быть много общего друг с другом. По крайней мере, главное должно быть общим.

ТЫ МЕНЯ УВАЖАЕШЬ?

или Еще раз об интернет-дискуссиях

ЯРЛЫКОМАНИЯ

Так вот, о главном. По тому узнаете все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13:35). Эту заповедь Христа в последнее время нередко вспоминают в контексте именно интернет-баталий. Нет, открыто с этим никто не спорит, конечно. (Пока?) Однако частота цитирования не приводит, увы, к каким-либо изменениям. Мы все жестче обрушиваем друг на друга словесные мечи в интернет-битвах и все меньше замечаем те духовные потери, которые в них несем...

При этом кто-то оправдывает свое неуважение к другим людям принципиальной позицией, нравственной невозможностью молчать, мировоззренческими расхождениями и проч. Конечно, есть поступки, которые вполне справедливо вызывают осуждение. Только непонятно, почему это осуждение должно сопровождаться непременным стремле-

нием унижить собеседника и рассказать всем, какой он мерзавец? Здесь явно забывается важнейший христианский принцип разделения греха и грешника. А еще, как правило, забывается и то, что мы сами – грешники. И что методология исправления чужих ошибок в Евангелии прописана четко и однозначно: Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Мф. 7:5). Иными словами, не исправившись сам, не надейся изменить другого. Все равно не получится.

Другие полагают демонстрацию уважения ко всякому, к любому человеку заклеивают в Новом Завете теплохладностью. Мол, подлинно-евангельское, оно в горячности, в резкости, в... В нелюбви? Мы бросаем в людей обвинения, мы навешиваем на них ярлыки, мы не интересуемся, почему они что-то сказали или сделали, переживают ли об этом... Мы стремимся быстро объявить их нерукопожатными, лживы-

ми, лицемерными... Неправославными. Забывая, что такое осуждение разрушает уже наш мир с Богом. Очень любим грозить друг другу Страшным судом (Sic!). Но наше ли это дело – примирение других с Богом? Преп. Иоанн Лествичник в 10-м слове «Лествицы» говорит: «Видел я согрешившего явно, но втайне покаявшегося; и тот, которого я осудил как блудника, был уже целомудр у Бога, умиловив Бог чистосердечным обращением». Но мы-то святее всех святых получаемся. Что нам Лествичник!

НА ПОЧВЕ НЕУВАЖЕНИЯ

Убежден в том, что на почве неуважения не может вырасти ничего доброго. Триизм: ненависть никогда не прекращалась ненавистью. А неуважение к человеку есть непризнание в нем образа Божьего. Да, уважение – еще не любовь. Иногда это лишь маскировка невозможности любви. Но это единственная альтернатива ненависти, пока мы, христиане, не научились любить.

Хотя бы друг друга.

Журнал «Фома»
Подзаголовки
«Православной газеты»

Островок веры.
Фото АанаА.

Протоиерей Алексей Уминский

ВЕРНУТЬ СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Окончание. Начало на стр. 7.

теллекул и мне есть что сказать. Но, с другой стороны, что бы я ни говорил, по большому счету, мне все равно. Завтра я от сказанного откажусь, потому что мне неинтересно. Постсекулярное сознание – это сознание такого выхолащенного всеядца, решившего, что самое главное – быть вне всего. И это он в себе бережно хранит.

Сейчас часто можно услышать, что мы живем в православной стране. Когда-то давно эта страна действительно была православной. Но теперь это другое пространство и другое сознание. Со всеми нами произошло страшное, я назвал бы это расчеловечиванием сознания. Вернуть себе человеческое – одна из самых главных наших задач. Государство этим заниматься не будет, ему выгодно недочеловеческое общество: им легко манипулировать, оно живет инстинктами толпы, не задумывается о будущем. Для спокойствия ему достаточно небольшого количества пропитания и каких-то самых низменных удовольствий. Церковь, которая пытается взять на себя очень высокие смысловые задачи, рискует быть не услышанной. К кому мы обращаемся, с кем говорим – неизвестно.

– Сможет ли гуманизм, включая светский атеистический, стать лекарством от описанных вами состояний умов? Важно ведь любое свидетельство о человеческом достоинстве?

– Всякое слово о достоинстве, будь оно сказано человеку, далекому от церкви или воцерковленному, прежде всего несет в себе понятия, определенные христианством. Именно христианство сформулировало значимость человека на сегодняшний момент таким образом, что его достоинство и права оказались возможными для защиты.

**Журнал «Эксперт»
Заголовок и подзаголовки
«Православной газеты»**

От недостатка уважения к себе происходит столько же пороков, сколько и от излишнего к себе уважения.

М. Монтень

● Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства.

Безмерное самолюбие и самомнение не есть признак чувства собственного достоинства.

Федор Достоевский

● Мы обладаем в душе ровно столькими достоинствами, сколько можем видеть в других людях.

Уильям Гэзлитт

● Основное достоинство человека – умение противостоять себе самому.

Самюэл Джонсон

Татьяна Воронова

НОЛЬ ЭМОЦИЙ – НОЛЬ ДОСТОИНСТВА?

Иногда я завидую флегматикам, невозмутимым и толстокожим, принимающим любой колкий выпад с неизменным спокойствием и совершенно не замечаящим камней, летящих в их огород. Кто-то таким человеком рождается, кто-то становится... в могиле. Я вот из последних. Клапаны эмоций, в том числе и отрицательных, у меня работают «на ура». Их можно отрегулировать, а вот законопатить... тоже можно. Но чревато последствиями.

Едва ли найдется среди подобных мне «эмоционалов» хоть один, которому собственные эмоции (вернее, их проявление) не доставляли бы проблем. Так что же с ними делать – с такими бурным и порой такими отрицательными? Запирать на ключ или, наоборот, любую их вспышку считать законной?

«НЕ РЕАГИРУЙ»

Наверное, на любой работе (да и не только на работе) периодически случается содом и гоморра с видом на вавилон. Как в этой ситуации ведет себя человек? Особенно женщина? Нервничает. Переживает. Возмущается. Выходит из себя. Словом, ведет себя стандартным образом в нестандартных обстоятельствах. Я не исключение. Не потому, что «слишком нервная» – а просто вот такая уродилась. Порог чувствительности, куда его денешь! Я остро реагирую, потому что остро чувствую многие моменты и – как результат – свои чувства проявляю. Самое забавное, что потушить мою реакцию пытаются чаще всего те, кто в аналогичных обстоятельствах ведет себя так же. И способом тушения избирается, как правило, нелепейший из нелепейших советов: «А ты не реагируй!». Или другой вариант: «Будь жизнерадостнее!» – в ту минуту, когда ты не находишь себе места или кипишь от гнева.

Попробовали бы наши советчики бросить эти фразы, например, матерящемуся водителю, которому неопытный рулевой перегородил дорогу или помял крыло... Интересно, что бы вышло? Даже любопытно... Сами-то они своему совету следуют? И видят ли его нелепость? Когда есть причина для огорчения или негодования, и вы испытываете огорчение или негодование – как можно вдруг взять и перестать это чувствовать? Реакция органа отключается только под наркозом или после ампутации. А тут совершенно особый орган – душа... Это все равно что резать человека ножом или опустить его палец в кипяток, приговаривая: «А ты не кричи! Не реагируй!». Одним словом, будь табуреткой. Она ничего никогда не чувствует, всегда молчит, никому не мешает. Правда, может на ногу упасть или вообще сломаться...

Для себя я сделала вывод: если негативные эмоции держать в себе – организм мстит. Выпускать их надо. Вопрос в том – как. Главное – чтобы за этот «выпуск» не мстили окружающие. Да, я могу возмущаться ситуацией или чьим-то поступком, если они действительно возмутительны, но я не буду обвинять замешанного в этом человека во всех прочих смертных грехах. Не буду распространять рамки неприятного эпизода на всё, что он делает, и тем более оскорблять его. Причем возмущаться – не обязательно означает швырять всё, что под руку попадет, и сотрясать стены криком. Достаточно просто сказать о своем недовольстве и его причине. Ну а если человек и на это обидится... что ж, привет его завышенной самооценке.

А если уж совсем неумогу от распыряющих эмоций... тогда отлупи подушку (а еще лучше – взбей перину или выколоты половики во дворе), но не бей своего ребенка. Скажи, что дело дрянь, но не говори этого о человеке. А главное – попробуй разобраться, насколько твой гнев правомочен. Ведь даже строгие евангельские слова о «всяком гневающемся на брата своего» содержат важную оговорку – «гневающийся напрасно»... Если Юпитер сердит – это не всегда признак неправоты.

ДВА УХА ИЛИ ОДИН ОТВЕТ?

Грубость, колкости, «наезды» – в нашей жизни, к сожалению, это вещи обыденные. Когда такие камешки летят непосредственно в тебя, выбор между реакцией (какой именно – вопрос отдельный) и нереагированием порой становится непростым.

Можно вспомнить старую шутку, не лишенную доли мудрости: мол, зачем человеку два уха даны? Правильно: чтобы в голове ничего не застревало. Но любую ли гадость, сказанную в твой адрес, можно и нужно пропускать мимо ушей? Правильно ли это – мило улыбаться, когда в душе клокочет обида? Стремись сохранить спокойствие любой ценой, не теряю ли я мимоходом свое достоинство? Да, с одной стороны, не ввязываюсь в словесную драку и не трачу попусту свою психическую энергию. А с другой – развязываю своему «оппоненту» руки. Мое молчание можно истолковать двояко: либо «до меня твои слова не долетают», либо «продолжайте в том же духе, со мной можно».

Только я вас умоляю: не надо «расстреливать» меня знаменитой цитатой о правой и левой щеке! Ее уже кое-кто пытался истолковать буквально и

так же буквально этому толкованию следовать. Львом Толстым чудака звали.

«Не противься злему» – ведь это на самом деле так просто: не воздавай злом за зло, не умножай его, не опускайся до мести. Одним словом, не бей в ответ. Но разве установить границы дозволенного, ответить с достоинством, удержать чужую руку от повторной пощечины – значит совершить ответное зло? «Если Я не прав, то скажи в чем, а если Я прав, то за что ты бьешь Меня?» – поистине царский ответ. На все времена. Никаких юлений перед «добрым игемоном». Ни тени намека на «добрый-человек-не-бей-меня». Реакция слуги, оскорбившего Христа, в Евангелии не описана. Но думаю, ему ничего не оставалось, кроме как спрятаться под стол.

Я много раз замечала: если распоясавшейся коллеге или обнаглевшему попутчику без обиняков даешь понять, что с тобой так разговаривать нельзя, то твои обидчики мигом затухают и даже не возобновляют попыток тебя «укусить». Почувствовав твердую стену чужого самоуважения, они уже не хотят наталкиваться на нее еще раз. И что удивительно – общение затем переходит во вполне мирное русло. Конфликт исчерпан. И овцы целы, и волки не тревожат.

Главное при этом – быть спокойным и не бояться. Никто не давал вашему собеседнику права вас оскорблять. И вы имеете право сказать ему об этом. В любом случае – относиться к вам будут так, как вы сами позволите. Мне вспоминается хрестоматийный (но от того не менее замечательный) ответ Ломоносова на какую-то неудачную шутку своего покровителя – графа Шувалова: «Я не токмо у вельмож, но ниже у Господа Бога шутом и дураком быть не желаю». Мне возразят: ну, то ж Ломоносов – а что дозволено Юпитеру... Но не забывайте, что в то время Юпитером был как раз-таки граф Шувалов. И ему было дозволено гораздо больше.

Впрочем, на все случаи единого рецепта не придумаешь. В каждой ситуации стратегию поведения выбирать вам и только вам. И вам же решать, стоит ли тратить свои силы на какого-нибудь человека «без тормозов». Не уроните ли вы свое достоинство в большей степени, пытаясь вступить в заведомо бесполезные переговоры.

ГЛЯДИТЕ В ОБА, ШТИРЛИЦ!

Почти в любом коллективе или просто компании могут появляться люди, которых принято называть «склочными» или «конфликтными». Лично у меня для этой категории имеется другой термин – «провокаторы». Время от времени они пытаются жить по простому закону: сделал гадость – сердцу радость. Унизил человека, вывел его из равновесия, разъярил – и сам успокоился. Повысил свою значимость и самооценку. Написал (в переносном смысле, конечно) чужой кровушки – и порядок: у самого-то ведь хроническое малокровие... Самодостаточному человеку подобные пляски ни к чему.

Да, с такими людьми трудно, их обычно стараются обходить стороной, «не связываться». Но если избежать такого общения невозможно, то выработка «тактики и стратегии» может стать довольно интересным делом. Совсем как в шахматах, когда требуется разгадывать ход противника. А здесь – надо понять, почему человек так себя ведет и... какой реакции от тебя ожидает. Но вместо вождельной реакции – преподнести ему фишку на серебряном блюде.

Вот тут-то нелепая установка «не реагируй» становится по-настоящему полезной, причем следовать ей надо почти буквально. Спросите мысленно: чего от меня добиваются «уважаемые оппоненты»? Для чего пытаются задеть? На что рассчитывают? Чтобы я вышла из себя? Ну так я останусь спокойной. Они хотят, чтобы я почувствовала себя униженной? Тогда пусть видят, что попытки смешать меня с грязью не удалась. Они пытаются внушить мне страх? А я вот возьму и не испугаюсь! Все выстрелы – в «молоко»!

Вы скажете: для этого надо быть даже не психологом, а настоящим Штирлицем... Согласна: задача – не на уровне «семечек». Но результат игры – сохраненные нервы и достоинство – стоит свеч, вы уж поверьте.

Матроны.ру

ПОДДЕРЖИТЕ РОДНУЮ ГАЗЕТУ!

Дорогие друзья! Народная «Православная газета для простых людей» в последние несколько лет благодаря поддержке благодетелей распространялась бесплатно, выходя в свет тематическими номерами – для того, чтобы каждый читатель мог получить максимальную информацию по волнующим его проблемам.

Сейчас возникли некоторые трудности у тех, кто своими трудами и средствами поддерживал миссионерский проект нашей газеты в его нынешнем масштабе.

Мы обращаемся к тем, у кого есть такая возможность: поддержите нашу газету или попросите сделать это ваших друзей. Помогите также о наших благодетелях.

Мы сделаем всё возможное для того, чтобы и дальше распространять газету БЕСПЛАТНО – по храмам и монастырям, воинским частям и тюрьмам, высылать миссионерам, ветеранам, малоимущим – по всей России и в ближние зарубежье.

Как получать газету по почте?

Напишите, нуждаетесь ли вы в бесплатной рассылке, или же пришлите любую посылку для Вас сумму в качестве пожертвования.

Для получения электронной версии газеты высылайте свой e-mail по адресу: alladob@mail.ru

Можем помочь организовать доставку газеты в епархии.

Все пожертвования и письма отправляйте по адресу: 601650, г. Александров Владимирской обл., ул. Ануфриева, 1 - 120, ДОБРОСОЦКИХ Алле Алексеевны. Все вопросы по телефону 8-919-003-69-99.

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРНЫ ВСЕМ ПОМОЩНИКАМ!

Мы сердечно благодарны всем тем, кто вложил душу и сердце в жизнь нашей народной газеты, каждому, кто внёс и вносит свою лепту в благое дело. Мы всегда молимся за наших читателей и чувствуем связь и единство с ними. Земной поклон всем, кто верен нам! Помолитесь вместе о здравии всех наших друзей, молитвенников, соратников:

Схиархимандрита Илия; игумена Мелхиседека, игумении Иоанны; Дионисия с сотрудниками; Юлию со сродниками; иерея Андрея; иерея Олега; протоиерея Виктора; Павла, Елены, мл. Таисии и мл. Анны со сродниками; Евгении; Дионисия, Ольги, Татианы, Андрея, Александра, мл. Анастасии и мл. Николая; Юлии; Василия; Василия с сотрудниками; Алексия и т. бол. Галины; Василия со сродниками и сотрудниками; Ольги; Наталии, Михаила, Сергея, Ольги со чадами и отр. Михаила; Максима и Олега с сотрудниками; Виктора со сродниками; Любви и Рафаила; Любви; Руфины; Валерия; Ольги; Любви; Ольги; Любви и Сергея; Галины; Веры; Софии; Татианы; Генадия; Сергея; Любви; Ольги; Владимира; Наталии; Марии; Виктора; Зои; Александра; Софии; Наталии; Александра; Тамары; Антонины; Любви; Галины; Анны и Димитрия; Веры; Татианы; Наталии; Веры; Александра и всех наших друзей и помощников.

Молитесь также об упокоении раба Божьего Валентина и рабы Божией Марии.

Используйте газету только для чтения! Если она стала вам не нужна – подарите ее другому или передайте в библиотеку храма